

Леонид МЛЕЧИН

Кристина+Сергей= СМЕРТЬ

*Любовь
под присмотром
КГБ*

Леонид Михайлович Млечин

Кристина + Сергей = смерть.

Любовь под присмотром КГБ

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7785841

Кристина + Сергей = смерть. Любовь под присмотром КГБ / Леонид

Млечин: Издательский дом «Аргументы недели»; Москва; 2018

ISBN 978-5-6040605-6-8

Аннотация

Герой романа влюблен в иностранку по имени Кристина, дочь греческого судовладельца по имени Аристотель, самого богатого человека в мире, который, в свою очередь, женился на вдове американского президента. И Кристина готова выйти замуж за советского разведчика! Тогда весь огромный флот, который принадлежит ее семье, будет работать на советскую экономику. Если только она сама останется жива... Семью Кристины преследуют могущественные враги. Ее брат Александр погиб в авиакатастрофе, мать нашли мертвой в постели, а отец внезапно умер, и она не сомневается в том, что его убили. Действие переносится из Кремля в Белый дом, из кабинета председателя КГБ на Лубянке в кабинет министра иностранных дел на Смоленской площади и в кабинет генерального секретаря, где принималось окончательное решение о судьбе влюбленных.

И герою романа, офицеру внешней разведки КГБ СССР, придется выбирать между исполнением служебного долга и любовью.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	29
Часть третья	83
Часть четвертая	176
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Леонид Млечин Кристина + Сергей = смерть. Любовь под присмотром КГБ

Часть первая

Комитет государственной безопасности. Кабинет Андропова

Начальник секретариата председателя КГБ позвонил по внутренней связи первому заместителю начальника разведки генералу Калиниченко:

- Приезжайте, Юрий Владимирович ждет.
- Что взять с собой? – деловито уточнил Калиниченко.
- Голову, – пошутил начальник секретариата.

Заместитель начальника главного управления контрразведки генерал Игнатенко уже находился в приемной председателя. На сей раз им пришлось ждать. В приемной с высокими потолками на третьем этаже старого здания на площади Дзержинского две двери. Налево – кабинет начальника

секретариата. Направо – через тамбур – большой, но скучный, с казенной обстановкой кабинет председателя.

Когда их наконец пригласили войти, Андропов без предисловий спросил:

– Выкладывайте обещанные неприятности. Что случилось?

Начал генерал Калиниченко:

– Юрий Владимирович, мы вам докладывали, что наш резидент в Ливане поддерживает деловой конспиративный контакт с членом политбюро Народного фронта освобождения Палестины Вади Хаддадом.

Игнатенко пояснил:

– Те самые ребята, которые попросили дать им взрывчатку, чтобы уничтожить оборудование, купленное Аристотелем Оазисом для своего завода. Небольшая организация, но они провели много успешных боевых акций.

Калиниченко продолжал:

– Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности своей организации. Они готовят ряд специальных операций. В том числе намерены наносить удары по крупным нефтехранилищам в различных районах мира – в Саудовской Аравии, в Персидском заливе, и уничтожать танкеры. Задача – нанести чувствительный удар арабским странам, которые союзничают с Соединенными Штатами и не поддерживают палестинское освободительное движение.

Игнатенко уточнил:

– Что теоретически может привести к дальнейшему росту мировых цен на нефть. И это для нас неплохо. Но они намерены нанести удар и по империи Оазисов.

– А что именно предполагается? – поинтересовался Андропов.

– По нашим сведениям, – ответил Калиниченко, – их боевики убили сына Оазиса – Александра. Судя по всему, они же убрали и самого Аристотеля Оазиса. Сейчас нацелились на его дочь Кристину. Похоже, не успокоятся, пока не изведут все семейство под корень.

В кабинете повисло молчание.

Андропов спросил:

– Помешать мы им не можем?

– Нет, – сразу ответил Калиниченко.

– Почему?

– В отместку могут последовать теракты против наших людей, – объяснил Игнатенко. – Причем в любой точке Ближнего Востока. Против любого сотрудника советской колонии. Мы не в состоянии обеспечить полную безопасность.

Калиниченко уточнил:

– Принцип нашего сотрудничества с боевиками таков. Мы им помогаем – оружием, спецтехникой, обучаем, если просят... А они не совершают против нас теракты. Откажемся от этого принципа – сами станем мишенью.

Андропов вздохнул:

– А вот это нам совсем не нужно.

– Наши источники внутри компании Оазисов, – добавил Калиниченко, – гарантируют, что... после Кристины Оазис, скажем так, наше сотрудничество будет только развиваться. На сегодняшний день – она и только она тормозит подписание новых контрактов.

Игнатенко не согласился:

– Я, напротив, думаю, нам надо с Кристиной Оазис договариваться. Но прежде необходимо принять принципиальное решение.

– Незавидный у нас выбор, – заключил Андропов. – Если мы закрываем глаза на операции боевиков, то мы, выходит, в выигрыше. Добыча нефти в Западной Сибири за десять лет увеличилась в десять раз, добыча газа – в пятнадцать. Нефтедоллары позволяют нам импортировать почти все, что нужно – от зерна до новых технологий... Если же пытаемся остановить боевиков, то несем серьезные убытки, опасные для нашей экономики... И самое страшное – рискуем жизнями наших людей... Я должен обо всем доложить Леониду Ильичу. Такое решение может принять только генеральный секретарь.

Воскресная проповедь

К воскресной проповеди в маленькой православной церкви в центре Афин собралось несколько пожилых прихожан.

Сергей Глазов, который был здесь в первый раз, устроился в стороне, чтобы видеть всех, кто приходит. Ждать пришлось долго. Кристина Оазис, самая богатая женщина в мире, появилась в церкви вся в черном, когда проповедь уже завершилась. Ее сопровождал один охранник.

Она подошла к священнику, который ее знал и почтительно приветствовал. Кристина заговорила с ним. И, не совладав с обуревавшими ее чувствами, расплакалась:

– За что Бог меня покарал? Почему это произошло именно со мной? Если Бог справедлив, если Он способен к любви и всепрощению, как мог Он так поступить со мной – отнять всех, кто у меня был? Сначала брата, потом мать и, наконец, отца?

Ее большие черные глаза были залиты слезами. Она требовала ответа от священника – скромного маленького человека, который растерянно пытался ее утешить:

– Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, Кристина. Но я знаю, ты преодолеешь эту боль. Бог позволил, чтобы это случилось с тобой, потому что Он знает – ты достаточно сильна, чтобы это вынести.

Кристина рыдала:

– Несчастья должны происходить только с неправедными, бесчестными людьми, сильно провинившимися перед Богом и людьми. Так нас учит церковь. Отчего же гибнут и страдают те, кто ведет праведную жизнь? За что я наказана?

Священник внул ей:

– Сказано так: не плачь по умершему, а радуйся. Ибо Бог забрал его из этого греховного мира к себе. Теперь он уже навсегда избавлен от страданий и греха. Он там, где нет ни горя, ни печали. Поблагодарим за это Бога.

Сергею Глазову стало не по себе. Мало того, что Кристина лишилась всех близких, она еще почему-то должна этому радоваться... В его представлении страдающий человек нуждался в ином – в сочувствии, в душевной теплоте. Он должен чувствовать, что люди рядом с ним понимают и разделяют его горе. Нужны друзья, которые позволяют ему плакать, а не станут призывать его быть примером спокойствия и терпения.

Священник поспешно благословил Кристину Оазис и переключился на других прихожан. Несколько минут Кристина молилась в одиночестве. По ее красивому смуглому лицу безостановочно катились слезы. Потом она резко повернулась и пошла к выходу. Глазов остановил ее в дверях:

– Госпожа Оазис, я хотел выразить вам соболезнования...

Насторожившийся охранник хотел встать между ними, но Кристина его остановила. Она сразу узнала Глазова:

– Вы же из советской делегации и участвовали в переговорах?

Она уже перестала плакать. Хотела выйти на улицу, но Глазов продолжал:

– Я невольно стал свидетелем вашего разговора со священником. Простите, что вмешиваюсь... Меня, как и вас,

смущает это объяснение – насчет того, что Бог посылает нам испытание, дабы проверить насколько крепки мы в своей вере... Смерть, болезни и катастрофы посылает нам вовсе не Бог...

– Что вы понимаете в религии? – пренебрежительно заметила Кристина. – Вы коммунист, а коммунисты – атеисты и в Бога не верят.

Глазов мягко улыбнулся:

– Мои родители были глубоко верующими людьми, и я многому у них научился.

Охранник настойчиво напомнил:

– Пора ехать, госпожа Оазис.

Ее лимузин и автомобиль охраны стояли поодаль. Но Кристину заинтересовал неожиданный разговор. Хотя она по-прежнему смотрела на Глазова с недоверием:

– Я читала, что у вас в стране церкви разрушают, а священников сажают.

– Я в этом не участвовал, – ответил Глазов. – Поверьте, что я сознаю глубину вашего отчаяния после смерти всех ваших близких. И понимаю, какие вопросы вы себе задаете... Жизнь – нечестная игра. Не те люди болеют и умирают. Не тех людей убивают... Видя эту несправедливость, многие в отчаянии думают: «Бога нет». Но никто не может обещать нам жизнь без горя и разочарований.

– Теперь я это знаю, – тихо произнесла Кристина.

– И когда трагедия произошла, главное – в трудную ми-

нута не остаться в одиночестве. Мне кажется, ценность молитвы в том, что она избавляет человека от одиночества, в котором оказался человек, переживший трагедию. И тогда голос Бога звучит в душе страдающего: «Позволь Мне присесть рядом с тобой, чтобы ты знал – ты не одинок».

Кристина Оазис не могла скрыть удивления:

– Не думала, что услышу такие речи от советского коммуниста... Возможно, вы правы. Ощущение одиночества – невыносимо. Мне иногда кажется, что в опустевшем доме я сойду с ума.

Охранник еще раз напомнил:

– Госпожа Оазис, мы очень задержались. Вас ждут.

Кристина пропустила его слова мимо ушей.

– Вы так искренне говорите... Вы пережили нечто подобное? – спросила она.

Сергей Глазов кивнул:

– Моя сестра погибла в авиакатастрофе. Ее самолет разбился при посадке.

– Как это произошло?

– Она улетала в командировку. Опаздывала на рейс. Родители говорят: ладно, улетишь завтра. А она была очень ответственной: «Это невозможно! Меня же там люди ждут». Успела на рейс. В последний момент. А если бы послушалась родителей, сейчас бы воспитывала своих детей... Садись – плохая погода, туман... Летчик не рассчитал... Промахнулся и пролетел мимо посадочной полосы... Все погибли...

Вот с тех пор я и суеверный.

– Сколько лет было вашей сестре? – сочувственно спросила Кристина.

– Двадцать семь.

Кристина произнесла совсем тихо:

– На два года старше моего брата... И все равно совсем молодая.

– Я несколько лет вообще не мог летать, – поделился Глазов. – Боялся самолетов. А у меня же на службе сплошные поездки. Думал, уволят за профессиональную непригодность.

Кристина так же откровенно призналась:

– Я и сейчас боюсь самолетов. Не в силах забыть, как в последний раз увидела брата. Он тоже попал в авиакатастрофу... Александр лежит без сознания на больничной койке. К нему тянется множество проводов... Он уже не мог сам дышать. Подключили аппарат искусственного дыхания. Я гладила его по руке. Говорила с ним. Думала: вот сейчас он откроет глаза, узнает меня, улыбнется... И все будет, как прежде. Но поздно...

Она не успела договорить. На улице перед церковью раздался громкий взрыв. Столб пламени вырвался из лимузина, ожидавшего Кристину Оазис. Тяжелая машина, как игрушка, взлетела в воздух, перевернулась и грохнулась на землю.

Ударной волной их отшвырнуло к стене. Охранник неудачно стукнулся головой и, потеряв сознание, рухнул

на каменные ступени. Глазов инстинктивно прикрыл собой Кристину. Несколько секунд, оглушенные и ошеломленные, они ничего не слышали.

Прибежали другие охранники Кристины. Они помогли ей подняться, весьма нелюбезно отодвинув Глазова:

– Госпожа Оазис, немедленно уходим! Сейчас подъедет другая машина.

Когда вооруженные охранники уводили ее, она повернулась к Глазову:

– Вы спасли меня.

И вдруг остановилась.

Негромко спросила:

– Вы знали, что это произойдет? Поэтому и задержали меня здесь, на лестнице?

Служебный долг требовал от него ответить правильно... На кон было поставлено нечто большее, чем его карьера. И все-таки он не стал лукавить:

– Знал... Они начали с вашего брата... И не остановятся...

Самолет падает

За четыре года до этого Александр Оазис, сын владельца крупнейшей в мире судовладельческой компании, ранним утром приехал на аэродром. Он привычно занял место первого пилота в самолете, который принадлежал семейной

авиакомпании.

Александр намеревался показать новому летчику, как управлять недавно купленной дорогой машиной. Самолет прокатился по взлетной полосе. Замер в ожидании ответа от контрольной вышки. Получив разрешение диспетчера, Оазис-младший уверенно поднял машину в воздух. А через несколько секунд после взлета самолет спикировал и рухнул на землю.

Его подруга жизни Фиона Тиссен появилась в Афинах только на следующий день – добиралась с другого конца мира. Младший Оазис совсем не был похож на отца. Не слишком уверенный в себе, он искал убежища в объятиях женщин значительно старше себя. В девятнадцать лет влюбился в баронессу Фиону Тиссен, которая была всего на три года моложе его матери. Бывшая манекенщица из Шотландии, она стала обладательницей дворянского титула, побывав замужем за немецким бароном Генрихом Тиссенем.

Отцу, Аристотелю Оазису, нашептывали, что дело неладно, что любовью тут и не пахнет, чистый расчет – Фиона получает немалые деньги от его конкурентов в обмен на обещание вывести у Александра детали семейных коммерческих планов.

Но удержать сына от романа с не юной уже баронессой отец не смог. Он утратил власть над сыном. Александр не собирался следовать по стопам отца. Не интересовался бизнесом. Зато прекрасно играл в теннис, катался на лыжах и

водил машину, как гонщик. Свободно говорил по-французски, по-английски и по-итальянски и не очень хорошо владел родным греческим.

Словом, во всех смыслах сильно огорчал отца, к которому с недавних пор относился с опаской.

Кристина, когда они оставались вдвоем, часто говорила брату:

– Отец способен на все. Он приказывал убивать людей. И мне страшно – и за себя, и за тебя.

Александр не в первый раз слышал, что его отец совершал какие-то преступления. Но до определенного момента считал, что большой бизнес требует принятия решений, которые не назовешь глубоко моральными. Тем более когда у тебя множество врагов... Но разговоры с сестрой окончательно отвратили его от отца.

За несколько дней до смерти Александр встретился с отцом в Париже. Они пообедали на Елисейских Полях. Александр потом позвонил Фионе:

– Старик очень плохо выглядит, зато был весьма благоклонен.

Оазис-младший увлекся винтокрылыми машинами. Аристотель новой страсти своего наследника не одобрял. Но в Париже внезапно расщедрился. Пообещал купить сыну новый вертолет и вообще не приставать к нему с требованиями всерьез заняться наконец семейным бизнесом.

Фиона путешествовала с детьми по Мексике. Она удиви-

лась: почему Александр так оптимистичен и верит словам отца? Но не стала задавать этот вопрос – не доверяла телефонам. Фиона строила уютный дом в Швейцарии. Они собирались туда переехать, после чего Александр намеревался твердо сказать отцу:

– Я намерен жить с Фионой и найти себе новую работу. Не успел.

Александр Оазис так и не пришел в сознание. Его подключили к системе жизнеобеспечения после операции, в ходе которой нейрохирурги убрали кровяные сгустки, которые давили на его мозг. Казалось, он почти не пострадал от падения самолета. Только несколько порезов на руках. Но нейрохирурги, доставленные из Америки, пришли к выводу, что его мозг поврежден и ситуация безнадежна. Он не выйдет из комы...

Жизнь в нем поддерживал аппарат искусственного дыхания. Отец, сидя в больничной палате, замороженно наблюдал за тем, как работает эта помпа.

Аристотель Оазис был самым богатым человеком в мире. Но все накопленные им миллионы не могли вдохнуть жизнь в его несчастного сына. Аристотель распорядился дожидаться Кристину, чтобы она смогла попрощаться с братом, а потом отключить машину и «больше не мучить мальчика».

Кристина прилетела после полудня. Она провела с умирающим братом пятнадцать минут. В полном отчаянии вышла из больничной палаты. Через несколько часов врачи отклю-

чили аппарат искусственного дыхания.

Все было кончено.

В комнату, где царило отчаяние, вошла жена самого Аристотеля Оазиса – знаменитая и все еще неотразимая Жаклин Кеннеди, в первом браке жена американского президента Джона Фицджералда Кеннеди. Безукоризненно одетая, она под села к убитой горем баронессе Фионе Тиссен.

Судьба умирающего мальчика Жаклин мало интересовала. У нее были свои заботы:

– Александр мне рассказывал, что Аристотель Оазис хочет со мной развестись. Не знаете, какую сумму он мне выплатит?

Баронесса была потрясена. В невыносимо тяжкую для себя минуту она ожидала слов сочувствия. Тем более от Жаклин Кеннеди, которая сама потеряла мужа при самых трагических обстоятельствах.

Техническая экспертиза показала, что самолет, принадлежавший семейной компании, рухнул из-за того, что перепутали рули управления. Но как это могло произойти? Роковая небрежность аэродромного механика, готовившего самолет к полету? Или диверсия? И кто в таком случае это подстроил? Кто-то из врагов Аристотеля?

В авиакатастрофе погиб только сын Оазиса. Второй пилот и пассажир удивительным образом остались живы. Шептались, что на самом деле в полете Александра ударили по голове молотком...

Аристотель Оазис не пошел на похороны сына, потому что со всего света примчалось множество журналистов, в том числе телевизионных:

– Враги скорее увидят меня мертвым, чем страдающим.

Он ездил на могилу по ночам, когда его никто не видел.

Возвращался и напивался в одиночку. Иногда часами стоял у двери навсегда опустевшей комнаты Александра в семейном доме на принадлежавшем Оазису острове Скорпиос в Ионическом море. Плакал и просил сына о прощении.

Аристотель не верил, что произошедшее – несчастный случай. Что бы ни говорили ему следователи, уверившиеся, что причина аварии – ошибка наземного персонала, Оазис твердил:

– Они убили моего мальчика.

Окружающие терялись в догадках: кто эти «они»?

Оазис обещал заплатить миллион долларов за информацию, которая приведет к поимке убийц. Многие считали это паранойей.

Они не все знали.

Через двадцать минут после того, как отключили аппарат искусственного дыхания и врачи зафиксировали смерть сына Аристотеля Оазиса, его доверенный человек вылетел в Монте-Карло, чтобы осмотреть квартиру Александра. Это был Ларри Андерсон, руководитель службы безопасности семейной компании Оазисов и бывший сотрудник Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов.

Опытному профессионалу не составило труда установить, что квартира Александра Оазиса нашпигована аккуратно замаскированными звукозаписывающими устройствами. Тот, кто установил в его доме жучки, точно знал, когда и на чем он собирается лететь...

Но кто прослушивал разговоры Александра?

Аристотель Оазис был вне себя: почему служба безопасности, на которую он тратит такие деньги, раньше не обнаружила подслушивающие устройства? Разгневанный, он прилюдно ударил начальника своей службы безопасности – за то, что тот не сумел спасти его мальчика.

Казалось, Аристотель Оазис не в силах справиться с горем, и он оставил все дела. Но внезапно в Афинах появились новые партнеры. Они предложили ему крайне рискованную сделку, но казавшуюся – в случае успеха, разумеется, очень выгодной.

Партнеры приехали из Москвы. Оазис сам вел с ними дела. В компании решили, что он пытается найти утешение в работе, точнее в том, что всегда приносило ему удовольствие, – в зарабатывании денег.

Переговорам предшествовал короткий телефонный разговор между Афинами и Москвой. Оба собеседника давно знали друг друга.

Москвич изложил суть делового предложения. Афинец внимательно выслушал и ответил:

– Пусть ваши люди приезжают. Во-первых, мне кажется,

мы все на этом хорошо заработаем. Во-вторых, ты же знаешь, что я тебе доверяю. Ты когда-то спас мою дочь... Помнишь, когда вывез ее из Нью-Йорка?

Афинским собеседником был Аристотель Оазис, московским – заместитель начальника главного управления контрразведки генерал Игнатенко.

После смерти сына Аристотель стал готовить Кристину к роли наследницы. Для начала отправил ее работать в нью-йоркский офис, чтобы она погрузилась в дела семейной империи. Аристотель Оазис искал не денег, а спасения. Он точно знал, кто охотится за его семьей. И за ним самим.

Разговор в комитете

Черная «Волга» ГАЗ-21 резко затормозила у цитадели страха и тайны – здания Комитета государственной безопасности СССР на площади Дзержинского. Из машины стремительно вышел невысокий худощавый человек в штатском костюме. Он пересек безлюдный тротуар и потянул на себя массивную дверь с гербом. Увидев его, переговаривавшиеся от скуки сотрудники внутренней охраны, как положено, замолчали.

Он вытащил из кармана пиджака служебное удостоверение и привычно раскрыл красную книжечку перед глазами старшего смены. Прапорщик из службы охраны здания бросил тренированный взгляд на удостоверение и кивнул.

Сослуживец, вошедший вслед за ним, ухватил Глазова под руку и стал шептать:

– Слышал, какой у нас в управлении комичный был случай? Возвращались из командировки. Когда на самолет билеты брали, все удостоверения на стол выложили. Потом разобрали. Один из старших инспекторов взял чужое – первого заместителя начальника управления. И с этим удостоверением месяц проходил! А генерал – с его документом. Первого зама прапорщик в лицо знал и удостоверение не смотрел. Но инспектор-то предъявлял чужой документ, и прапорщик ему привычно козыряет: генерал идет! В конце концов какой-то дотошный все-таки заметил: извините, это не ваше удостоверение. Вот тебе и бдительность!

Офицер довольно захохотал и нажал кнопку старого лифта. Сергей Глазов по красной ковровой дорожке прошел через один коридор, оказался на лестничной площадке и вошел в другой коридор, обшитый полированным деревом. И тут заметил двоих мужчин, которые, оживленно беседуя между собой, направлялись в его сторону.

Он развернулся и двинулся в противоположном направлении. Легко перепрыгивая через ступеньки, поднялся по мраморный лестнице на следующий этаж. Остановился и осмотрелся. Убедившись, что поблизости ни души, подошел к полированной двери, распахнул ее и вошел.

В приемной дежурный секретарь, услышав фамилию, посмотрел на него с интересом. Сверился со списком:

– Здравствуйте, Сергей Игоревич!

Глазов кивком показал в сторону начальственного кабинета:

– Мне назначено ровно на девять.

– Проходите.

Гость шагнул к двери. Но вдруг остановился, посмотрел на дежурного секретаря:

– Вы меня не видели, меня здесь нет.

Он вошел в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь. За столом сидел крепкий на вид мужчина – и тоже в штатском. Это был генерал Игнатенко, заместитель начальника главного управления контрразведки.

– Разрешите, Григорий Федорович?

Игнатенко нажал клавишу переговорного устройства, предупредил секретаря:

– Меня ни для кого нет.

Он подошел к Глазову, крепко пожал ему руку:

– Здравствуй, Сергей... Тебя можно поздравить?

– Нет, – отрезал Сергей.

– Почему? – в голосе Игнатенко звучало удивление. – Разве ты не?..

– А с чем поздравлять? Я, честно говоря, этой новой жизни не представляю.

Сергей Игоревич Глазов говорил спокойным голосом, неторопливо, легкая улыбка скользила на его губах. Это была его обычная манера разговора. Только тема разговора бы-

ла необычной.

– Я тебя все равно поздравляю, – сказал Игнатенко. – Нам здесь, в управлении, известна ситуация в экономике. Если что-то можно сделать для страны, надо сделать. Тебе представляется редчайшая возможность помочь государству.

– Есть такая формула: поздравляю с сочувствием, – пробормотал Глазов. – Мой случай.

Игнатенко улыбнулся:

– Ну, ты присядь, успокойся. Может, тебя чаем угостить, пока не перешел на чисто греческие напитки? А впрочем, у меня и «Метакса» найдется. Кто-то из ребят привез из Афин. Можем отпраздновать. Свадьба как-никак – приятное событие. Невеста – молодая, красивая, темпераментная.

Сделав паузу, добавил:

– С приданным...

Гость от всего отказался:

– Спасибо, товарищ генерал. Ни чая, ни коньяка. Единственное, что прошу: если кто позвонит, спросит – вы меня не видели.

Глазов сел в кресло и наконец сам рассмеялся:

– А то это «поздравляю» никогда не закончится.

Игнатенко вернулся на свое место за письменным столом.

– Сергей, посиди тихо, я должен закончить работу над срочным документом – Юрий Владимирович ждет. Допишу, и мы с тобой спокойно поговорим.

– Да, конечно, – Глазов откинулся на спинку кресла.

Зазвонил один из трех телефонов цвета слоновой кости – АТС-1, аппарат высшей правительственной связи.

Игнатенко снял трубку:

– Да, Семен Кузьмич.

Благодаря сильной мембране голос первого заместителя председателя комитета госбезопасности был отчетливо слышен:

– Ты Сергея Глазова не видел? Мне доложили с проходной, что он в комитете. А найти не могу.

– Нет, – Игнатенко посмотрел на Глазова, – ко мне он не заходил.

Он повесил трубку.

– Спасибо, Григорий Федорович, – благодарно наклонил голову Глазов.

Игнатенко кивнул и стал писать.

– Поздравляют! – Глазов покачал головой, словно продолжал разговор сам с собой. – С чем тут поздравлять?..

По глазам было видно, что настроение у него совсем не праздничное. Он замолчал. А взгляд его рассеянно скользил по кабинету. Он увидел пачку сигарет и коробок спичек на журнальном столике. Удивился:

– Григорий Федорович, вы разве курите?

– Нет, – ответил Игнатенко. – Никогда не курил. И не буду. Это ребята из первого отдела утром заходили. Кто-то из них забыл.

– И я никогда не баловался, – Глазов усмехнулся.

Неожиданно спросил:

– Можно я закурю?

– А ты теперь ни у кого ничего спрашивать не должен, ты теперь сам себе хозяин, – очень серьезно ответил Игнатенко, продолжая писать. – Хочется покурить? Покури.

У тебя сейчас, может быть, самый трудный момент. Один этап жизни завершился, а другой начинается... Такое событие... Кури.

Глазов неумело вытащил сигарету. Потянулся за спичечным коробком. Резким движением зажег спичку. Вспыхнуло яркое пламя.

Генерал Игнатенко посмотрел на своего гостя. Кажется, совсем недавно здесь, на Лубянке, решалась судьба этого офицера. Хотя прошло немало лет... Кто был тогда заместителем председателя комитета по кадрам?

В огромном кабинете грузный человек в новеньком генеральском мундире листал личное дело молодого офицера госбезопасности, только еще начинавшего свою службу. И что-то ему не нравилось. Зампред спросил Игнатенко, тогда еще полковника:

– А почему Глазов – в министерстве морского флота? Молодой офицер, старательный, энергичный... Такие в центральном аппарате нужны, а вы его держите в действующем резерве.

Действующий резерв КГБ – это офицеры, которые служат в других ведомствах, но негласно представляют там интере-

сы комитета.

– Там есть семейные проблемы, с родственниками непо-
рядок, – доложил Игнатенко.

– По еврейской линии? – насторожился главный кадровик
Лубянки. – А как он тогда вообще в комитет попал?

– Не по еврейской, – поспешил успокоить его Игнатенко. –
Можно сказать, совсем наоборот.

– Что это означает? – удивился зампред. – Не говори за-
гадками.

– Есть ориентировка наркомата госбезопасности Украины
от сорок пятого года. Его дед и бабка по отцовской линии
в сорок первом при наступлении немцев не эвакуировались.
Остались в Киеве, работали на оккупационную администра-
цию. Потом ушли вместе с немцами.

– Чем занимались под немцами? В полиции служили?

– Нет, по гражданской части.

Зампред с сомнением покачал головой.

– Ну, не так страшно... Но как же его к нам приняли с
такими родственниками?

– За него Юрия Владимировича просил Громыко.

Игнатенко многозначительно добавил:

– Лично.

Заместитель председателя КГБ заинтересовался:

– Почему? Выяснили? Родственник? Сын старых друзей?

– История куда сложнее. Я сам хорошо знаю отца Глазо-
ва. Когда Юрий Владимирович спросил мое мнение, я реко-

мендовал Сергея Глазова взять в кадры.

Зампред с интересом посмотрел на Игнатенко:

– Ну заинтриговал, полковник. Давай, рассказывай.

– История долгая, – предупредил Игнатенко.

Часть вторая

Карьера Аристотеля Оазиса

Совсем еще молодой Аристотель Оазис прошел мимо большой вывески с надписью «Объятия Афродиты» и толкнул обшарпанную дверь. Лестница с выщербленными ступенями вела вниз, в подвал. Аристотель уверенно стукнул в дверь кулаком. Высунулся здоровенный охранник:

– Какого черта тебе надо?

Не договорив, узнал Аристотеля. Криво улыбнулся:

– Заходите, пожалуйста.

Аристотель прошел в конуру хозяина и, не здороваясь, поставил сумку на стол. Хозяин конторы вздохнул и вытащил из сейфа большую пачку денег:

– Возьми половину, а? Остальное через неделю, клянусь матерью. Неделя плохая была, ничего не заработал.

Поколебавшись, вытянул из кармана две новенькие купюры и протянул гостю:

– А это лично тебе от меня. Клянусь, никто не узнает. Маленький подарок. По рукам, а?

Аристотель вырвал у хозяина из руки ключ. Сам открыл сейф, отсчитал вторую половину условленной суммы и бро-

сил купюры в сумку. Хозяин с затравленным видом смотрел, как исчезают его деньги. Аристотель подхватил сумку и так же молча пошел к выходу. Охранник распахнул перед ним дверь и сделал вид, что улыбается.

За два года до этого Аристотель Оазис приплыл в Буэнос-Айрес на пароходе из обескровленной кризисом Европы, чтобы здесь, в Латинской Америке, добиться успеха. Оазис рассказывал потом, что ему еще не исполнился двадцать один год – возраст совершеннолетия по местным законам, поэтому он прибавил себе несколько лет, дабы выправить аргентинские документы и получить право работать.

В карманах у него было пусто. Нанялся мыть посуду в кафе. Комнату делил с дальним родственником и его женой. Комната располагалась над танцевальным залом. Спать было невозможно: внизу играла музыка, на соседней кровати пылкая пара неумоимо любила друг друга.

Оазис нашел место ночного оператора на телефонной станции и отсыпался днем, когда оставался один. Учил испанский язык, для чего читал местные газеты и внимательно слушал телефонные разговоры. Но вышибать долги по поручению местного мафиози прибыльнее и приятнее. Заработав первые деньги, потратил их на новые костюмы и уроки танго. Снял себе отдельную комнату.

Владельцы массажного салона избегали посторонних людей, поэтому вывеска на здании отсутствовала. Клиенты знали, что нужно подняться на третий этаж и позвонить в же-

лезную дверь без номера. Аристотелю даже звонить не пришлось. Его ждали, и дверь распахнулась, едва он вышел из лифта.

Его сразу провели к управляющему. Большой бумажный пакет уже лежал на столе. Пока Аристотель пересчитывал деньги и укладывал их в сумку, на столе появилась бутылка вина, фрукты, маслины и сыр.

– Давно хотел с тобой поговорить, Аристотель, – сказал управляющий, молодой, но уже совершенно лысый человек. – Не знаю, доволен ты своей работой или нет, но сделаю предложение. Переходи к нам. Мы тоже неплохо платим. Я уж не говорю о том, что у нас лучшие девушки в городе. А нам очень нужен такой надежный и хладнокровный человек, как ты, который никогда не выходит из себя.

Аристотель, чуть улыбнувшись, потрепал управляющего по плечу и пошел к выходу.

– Подумай над моим предложением! – крикнул ему вслед управляющий.

Следующую остановку Оазис сделал в ресторане, который только что открылся. Там работали новые люди. Аристотеля они не знали. Охранник остановил его у входа:

– Читать не умеешь? Написано: работаем с шести вечера.
– Проводи к директору, – не повышая голоса, сказал Аристотель.

Охранник окинул его скептическим взглядом.

– Директор занят.

– Проводи к директору, – повторил Аристотель.

Охранник схватил его за плечо, чтобы выставить непрошеного гостя на улицу, но Аристотель перехватил его руку и вывернул ее за спину с такой силой, что охранник рухнул на колени и взвыл от боли.

– Так где директор? – так же тихо поинтересовался Аристотель.

– Отпусти!.. По коридору... Последняя дверь...

Директор ресторана Аристотелю даже понравился.

Невысокий крепыш с ясными глазами.

– Вам известно, кто я и зачем пришел, – сказал Аристотель. – Я жду первый взнос.

– Мы не будем платить, – спокойно ответил директор ресторана.

– Вы знаете, от кого я пришел, – напомнил Аристотель.

– Он не хозяин этого города, – заметил директор ресторана. – Есть и другие.

– Обычно у людей, которые не желают с ним ладить, возникают неприятности, – предупредил Аристотель.

– Я вам кое-что объясню, – сказал директор.

Он встал из-за стола и сел напротив гостя.

– Ваш хозяин просит слишком много. А мы вложили в ресторан все свои деньги и намерены не только их вернуть, но и хорошо заработать. Мы люди серьезные. Можем за себя постоять. Так что вашему хозяину ничего не обломится.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел давешний охран-

ник, а с ним еще один здоровяк. Оба с пистолетами в руках.

– Я его пристрелю! – рявкнул охранник, с которым Аристотель обошелся столь невежливо.

На лице у Аристотеля не дрогнул ни один мускул. Он словно и не обратил внимания на людей с оружием.

Директор остановил своих людей:

– Все в порядке, можете идти. Мы просто беседуем.

Когда охранники исчезли, директор развел руками:

– По-моему я все объяснил. Платить мы не будем.

Аристотель поднялся и подхватил свою сумку. Когда он уже стоял в дверях, директор спросил:

– Вы действительно такой хладнокровный или просто умеете сдерживаться?

– Сдерживаюсь, – ответил Аристотель.

Когда он вернулся в контору своего хозяина, тот как раз приехал. Дорогой автомобиль остановился у самого подъезда. Два телохранителя сразу заняли позиции у задних дверей. Но хозяин не спешил выйти. Он продолжал разговор с человеком, который сидел рядом с ним. Это был его новый компаньон. Увидев Аристотеля, тот спросил:

– И ты ему веришь?

– Его обвинили в том, что пристрелил напарника. Я его, можно сказать, вытащил из тюрьмы... Так что он мне всем обязан. Я ему дал работу, снял квартиру. Исключительно полезный человек, хотя совсем еще молодой. Знаешь, сколько ему? Девятнадцать.

– Выглядит старше, – заметил компаньон. – Далеко пойдет.

Тем временем Аристотель сдал принесенные деньги и вполголоса сказал кассиру:

– Нужно переговорить с хозяином.

– Что-то случилось?

– Да, это касается нового ресторана. Не хотят платить.

Кассир понимающе кивнул:

– Сейчас он зайдет.

Хозяин вошел в комнату и уставился на Аристотеля.

– Я переговорил с новенькими, они отказываются наотрез, – доложил Оазис.

– Надавить пробовал? – поинтересовался хозяин.

– Крепкие ребята. Надо или отступить, или разбираться с ними всерьез.

– Обсудим, – задумчиво сказал хозяин. – Мне надо навесить кое-кого, не привлекая внимания. Без охраны. Ты меня отвезешь, заодно и поговорим... Через полчаса у заднего входа.

Хозяин за обедом выпил, поэтому в машине разглагольствовал с несвойственной ему откровенностью. Он расположился на переднем сиденье, рядом с Аристотелем.

– Меня одна баба ждет... Моим-то совсем не надо знать, с кем я провожу время. Но ты, Аристотель, другое дело, ты надежный парень. Люблю молчаливых и спокойных.

Хозяин с наслаждением закурил.

– Так что с рестораном делать?

– Эти ребята не испугались, – повторил Оазис. – Так что проще забыть о них.

– Нет, так не пойдет, – недовольно сказал хозяин. – Тогда и другие решат, что меня можно не бояться. Они или заплатят, или исчезнут с моей территории.

– Есть один вариант, – как бы нехотя произнес Аристотель. – Я проверил – они ресторан еще не успели застраховать. Так что если он, например, сгорит ночью, то восстановить бизнес им уже будет не на что.

Несколько секунд хозяин размышлял и потом кивнул:

– Мне нравится. Организуй.

Аристотель покачал головой:

– Пусть этим займется кто-то другой. Я такими делами заниматься не стану.

Хозяин разозлился:

– Чистеньким хочешь остаться? Напарника пристрелил – так рука не отсохла.

Аристотель тихо напомнил:

– Суд меня оправдал.

Хозяин развеселился:

– Так ведь судья не знал про тебя то, что знаю я. А твой сосед рассказал мне, что видел, как ты выходил из квартиры напарника ровно в два часа – как раз когда его убили. И твой сосед работает на меня. В любой момент может дать нужные показания.

Аристотель побледнел, и его лицо приобрело угрожающее выражение. Рука хозяина скользнула под пиджак и вернулась вместе с пистолетом.

– Так что запомни, – как-то весело произнес хозяин, – ты делаешь все, что я приказываю. А не то посажу. На свободу выйдешь к старости. Понял?.. И, кстати, давай без эмоций, по-деловому.

Аристотель резко выжал тормоза, машина пошла юзом. Не ожидавший этого директор сильно ударился головой о стекло. Аристотель выхватил у него из рук пистолет и дважды выстрелил ему в сердце. Открыл правой рукой дверцу и выбросил труп на дорогу.

Лицо у Аристотеля приобрело несколько обиженное выражение.

– За кого вы все меня принимаете? – сказал он вслух. – Что я, не человек и вспылить уже не могу?

Он выжал газ, и машина понеслась по пустынной дороге. Теперь это была его машина, что радовало – автомобили были еще редкостью. И еще он решил, что больше не станет сдерживаться.

Он сознавал, что только что обзавелся первыми опасными врагами. Отнесся к этому легкомысленно. Предположить не мог, как много их наберется в его жизни.

Ужин с шампанским

Женщины – вот ради кого он старался. Добиться успеха, заработать большие деньги, одерживать впечатляющие победы над конкурентами и соперниками – все это лишь ради того, чтобы завоевывать женщин!

В Буэнос-Айресе, купив впервые билет в оперу, он увидел на сцене поразившую его мужское воображение итальянскую примадонну с пышной фигурой. Он атаковал приму со всей страстью, на которую был способен. Напор и настойчивость покорили ее сердце, хотя она была на двенадцать лет его старше. Она помогла ему разбогатеть, и он еще больше уверился в том, что женщины – главное в мире.

Оазис обратил внимание на то, что в Аргентине сигареты набивают кубинским табаком. Аргентинки их не покупали – слишком крепкие. Греческие родственники, знавшие толк в этом бизнесе, прислали ему более мягкие восточные табакки. Когда пришел приятно пахнущий груз, он организовал в Буэнос-Айресе производство новой марки сигарет. Попросил свою любовницу почаще курить их на публике и нахваливать. Бесплатная реклама помогла ему заработать первые большие деньги.

Но это был лишь первый шаг.

Аристотель Оазис вместе со своим партнером Ставросом Ниархосом занялись судовым бизнесом. Скупали по дешев-

ке старые суда, ремонтировали, перепродавали с большой выгодой. Как только заработал миллион, приобрел собственный танкер. Почувствовал: перевозки нефти – золотое дно.

Летом 1940 года Аристотель Оазис оказался в Лондоне. И сразу почувствовал, что приехал не вовремя. За океаном и не сознавали, что в Европе уже разгорелась Вторая мировая война. Объединенные силы французов и англичан были наголову разгромлены германским вермахтом. Франция признала поражение и сдалась на милость победителя. Немецкие войска дошли до Ла-Манша и готовились к высадке в Англии. Казалось, что британцы побеждены и вот- вот капитулируют.

Больше всего они боялись, что немцы, как в Первую мировую, пустят в ход химическое оружие. Лондонцы с ужасом представляли себе, как облако отравляющего газа накроет город, люди ослепнут и задохнутся. Детям раздавали противогазы с изображением Микки-Мауса. Каждого лондонца обязали носить с собой противогаз. Двух дезертиров приговорили к смерти, их уже вывели из зала суда, чтобы привести приговор в исполнение, но тут возмущенный нарушением правил полицейский заметил, что они забыли взять свои противогазы...

Пожалуй, один только премьер-министр Уинстон Черчилль в те дни вселял в страну уверенность и надежду. Он обещал:

– Мы будем сражаться на побережье! Мы будем сражать-

ся на полях и на улицах наших городов! Мы никогда не сдадимся!

Когда он выступал по радио, все так внимательно вглядывались в громкоговорители, будто могли каким-то чудом разглядеть его лицо. На самом деле большей частью они слышали голос актера Нормана Шелли, которому поручали читать по радио речи, которые Черчилль произносил в палате общин.

Слова премьер-министра наполнили англичан уверенностью. Они не переживали по поводу утраты уже капитулировавших перед Гитлером союзников. Им даже нравилось, что теперь они в одиночку противостоят проклятым немцам.

Великобритания построила океанский флот. Но небольшое население не позволяло сформировать мощные сухопутные силы. Англичане не заблуждались относительно соотношения сил. Но тут и проявился британский стоицизм: они предпочитали не говорить и не думать о плохом.

В тот вечер, когда самолеты вермахта кружили над Лондоном, выбирая цели для бомбардировки, в одном из аристократических домов, где собралось большое общество, к ужину подали шампанское.

– Надо же отметить начало настоящей войны, – объяснила хозяйка дома.

Приглашенный к столу Аристотель Оазис оценил вкус шампанского, предложенного гостям. Но хозяйка не вполне была довольна:

– Я не смогла найти все, чем собиралась вас угостить. В лондонских ресторанах сократился ассортимент пирожных и сыров. Война.

Сосед Оазиса, владелец модного заведения, посетовал:

– Посетители заказывают черной икры в двадцать раз меньше, чем раньше. А в дни, когда объявляется воздушная тревога, вообще предпочитают отсиживаться дома.

Один из гостей рассказал, как недавно, заглянув в любимый ресторан, ужинал практически в полном одиночестве:

– Я заказал фуа-гра, филе морского языка и хорошо жаренного голубя. Сдобрил это бутылкой белого вина и бокалом старого арманьяка. Но во время ужина бомба упала на другой стороне улицы. Все заволокло дымом... Пришлось уйти, не закончив трапезу. К тому же я не смог поймать такси. Так что пошел домой пешком и на все лады клял войну.

Он сожалел о недоеденном, поскольку предчувствовал скорое оскудение ресторанных меню:

– В лондонском зоопарке опустел огромный аквариум – рыбу съели. Панды, слоны и другие крупные животные эвакуированы. А ядовитых змей и пауков умертвили хлороформом – из соображений безопасности.

Главным гостем на ужине был американский посол Джозеф Кеннеди. Аристотель Оазис смотрел на него во все глаза, хотя и не предполагал тогда, как тесно его судьба окажется переплетенной с судьбой клана Кеннеди.

Он уже многое знал о Джозефе Кеннеди. Американец

удачно играл на фондовом рынке. Он умел вкладывать деньги. После Первой мировой войны получил важный пост в судостроительной компании. И быстро покончил с забастовкой рабочих, которые требовали прибавки зарплаты. Его усилия оценил молодой заместитель министра военно-морского флота Франклин Делано Рузвельт. Став президентом, он назначил в 1938 году Джозефа Кеннеди послом в Англии.

Кеннеди-старший вошел в историю как страстный сторонник умиротворения нацистской Германии. Он боялся войны.

Весной 1917 года Соединенные Штаты вступили в Первую мировую. Миллион американцев облачился в военную форму и готовился к отправке в Европу, чтобы сражаться с Германией. Джозеф Кеннеди – в отличие от всех своих приятелей по Гарварду – избежал летом семнадцатого обязательной военной переподготовки. Он не хотел участвовать в войне, хотя подлежал призыву в вооруженные силы. Он обратился к призывной комиссии с письмом: просил разрешить ему исполнять работу, важную для страны в военное время. Комиссия отказала. Но его друзья пустили в ход все связи в Вашингтоне, и он не попал в армию, остался дома. Его жена Роуз не желала сознавать, что вышла замуж за человека, которого многие считали трусом.

Двадцать лет спустя американский посол в Англии Джозеф Кеннеди был готов на все, лишь бы избежать новой войны! В сентябре 1938 года Роуз отдыхала на французской Ри-

вьере. 28 сентября ей позвонил муж и велел немедленно возвращаться на родину.

Вождь Третьего рейха Адольф Гитлер требовал передать Германии населенную немцами и входившую в состав Чехословакии Судетскую область. Угрожал в противном случае объявить войну Праге и получить Судеты силой.

Джозеф Кеннеди физически ощущал, как пламя войны приближается к его сыновьям. Он был охвачен животным страхом за свою семью. Он рассматривал политику – обычно это случается с женщинами – как силу, намеренную ворваться в его личную жизнь. Это было то, в чем обычно мужчины обвиняют женщин: эмоции преобладают над разумом. Он смотрел на лица своих сыновей и думал: почему они должны стать солдатами и погибнуть в этой ненужной Америке войне? Какое американцам дело до чехов и их забот?

Когда были подписаны Мюнхенские соглашения и Гитлер без единого выстрела получил все, что желал, Роуз Кеннеди записала в дневнике: «Все испытали облегчение и счастье». Тогда восхищались британским премьер-министром Невиллом Чемберленом, великим человеком, который отдал Судеты нацистской Германии и, как считалось, тем самым спас Европу от войны.

Когда годом позже война в Европе все равно началась и немецкие самолеты бомбили Лондон, американский посол был уверен, что немцы вот-вот высадятся в Англии. Он не считал, что это его война, и не собирался умирать за чужое

дело. Но другие американцы, которые находились в Англии, и сами британцы, защищавшие свою родину, называли его трусом...

Во время ужина отставной британский генерал, не отказывавший себе в шампанском, громко заметил:

– Главное, что нас отличает, – это терпение и стоицизм. Возможно, вас удивит мое замечание, но меня восхищают наши проститутки. Во время авианалета, в то время как все бегут в поисках бомбоубежища, они преспокойно вышагивают по лондонским мостовым в ожидании клиента.

Сосед предложил Оазису сигару:

– Здесь вы можете это себе позволить. А на нашей улице одного джентльмена бдительные соседи обвинили в том, что он своей сигарой подает сигналы врагу. Написали в полицию: «Специально попыхивает так, чтобы сигара ярко вспыхивала, и всякий раз направляет сигару прямо в небо».

Сосед слева, совсем молодой человек, поинтересовался у Оазиса:

– Чем вы зарабатываете себе на жизнь, сэр?

Он говорил с заметным акцентом. Оазис в свою очередь спросил:

– Откуда вы?

– Из Советского Союза, – ответил молодой человек и протянул ему визитную карточку. – Я Григорий Игнатенко, дипломат.

– И как вам тут, под непрерывными бомбежками? – со-

чувственно спросил Оазис.

– Днем стараемся работать нормально. И в общем удастся. Вечерами спускаемся в подвал под нашим зданием и, если налет не очень сильный, продолжаем работать там. Если же налет слишком интенсивен, идем в городское убежище. Кто может заснуть – спит. После отбоя воздушной тревоги возвращаемся домой и досыпаем оставшуюся часть ночи, раздевшись, в своих постелях...

Игнатенко улыбнулся:

– Так чем вы занимаетесь?

– У меня есть несколько танкеров, – сказал Оазис. – Перевожу нефть.

Советский дипломат заботливо положил его визитную карточку во внутренний карман пиджака.

– Я слышал, вы направляетесь в Америку. Меня тоже переводят в Вашингтон. Приходите в наше посольство.

Я оставляю вам мой новый номер... Моя страна добывает много нефти. Раз война, значит, растет спрос на нефть. Почему бы нам не сотрудничать?

Накануне войны Аристотель Оазис предусмотрительно вложил все деньги в покупку нефтеналивных судов. Потребление нефти стремительно росло. Но подводные лодки топили суда воюющих держав. Поэтому перед судовладельцами из нейтральных стран открылась возможность хорошо зарабатывать. Только надо было уцелеть самому.

1 июля 1940 года Оазис сел на лайнер, которому предсто-

яло пересечь Атлантику. Он хотел как можно скорее покинуть Европу. Смертельно боялся, что судно будет потоплено немецкой подводной лодкой. Но судьба его хранила. Он благополучно пересек океан.

Написал своей подруге:

«Все мои труды двух десятилетий могут пойти прахом, все жертвы могут оказаться напрасными. У многих в моем положении опустили бы руки, и самоубийство кажется логичным выходом. Десять дней и ночей я спал, не раздеваясь. Ночью я располагался на диване в курительной комнате, чтобы успеть выскочить на палубу первым, если нас торпедируют».

Оказавшись в Вашингтоне, Аристотель Оазис вытащил из бумажника визитную карточку советского дипломата и набрал телефонный номер. В посольстве ответил голос с сильным славянским акцентом. Оазис попросил соединить его с господином Игнатенко.

Прием у Сталина

Весной 1939 года ученого секретаря Института экономики Академии наук СССР Андрея Андреевича Громыко вызвали в комиссию ЦК партии, которая набирала кадры для наркомата иностранных дел. Вакансий образовалось много. Прежних сотрудников или посадили, или уволили. Комиссии понравилось, что молодой экономист Громыко – партий-

ный человек, из провинции, можно сказать, от сохи, а читает по-английски. Знание иностранного языка было еще редкостью.

В наркомате его оформили ответственным референтом – это примерно равняется нынешнему рангу советника. Но уже через несколько дней поставили заведовать американским отделом. Высокое назначение его нисколько не смутило. Отдел США не был ведущим, как сейчас. Главными считались европейские подразделения.

Громыко несказанно повезло. Репрессии расчистили ему стартовую площадку. Через несколько месяцев его вызвали к Сталину, что было фантастической редкостью. Даже среди полпредов лишь немногие имели счастье лицезреть генерального секретаря. В кабинете вождя присутствовал недавно назначенный наркомом иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Он, собственно, и устроил смотрины – показывал Сталину понравившегося ему новичка.

– Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в наше полпредство в Америке в качестве советника, – порадовал молодого дипломата Сталин. – В каких вы отношениях с английским языком?

– Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, – осторожно доложил будущий министр, – хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

Вождь дал ему ценный совет:

– Когда приедете в Америку, почему бы вам временами не заходить в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на английском языке. И дикция у них хорошая. Недаром русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу совершенствования знаний иностранного языка.

В октябре 1939 года Громыко отправился в Вашингтон. Много позже Молотов рассказывал:

– Я Громыко поставил – очень молодой и неопытный дипломат, но честный. Мы знали, что этот не подведет.

В один из дней, слушая по радио последние новости, Андрей Андреевич узнал, что Джозеф Кеннеди покинул дипломатическую службу.

Президент Франклин Делано Рузвельт долго не хотел ссориться со своим послом в Лондоне, который оставался влиятельной фигурой в американском обществе. Президент боролся за переизбрание и нуждался в поддержке всех и каждого, кто мог быть на его стороне. Но Джозеф Кеннеди перебрал. Он говорил журналистам:

– Я буду делать все, чтобы наша страна не вовлеклась в войну.

Кеннеди настаивал на том, что демократии и диктатуры должны жить в едином мире, нравится это кому-то или нет. Голливудским магнатам он внушал:

– Англия уже потерпела поражение. Перестаньте делать

фильмы, которые оскорбляют диктаторов.

Иначе говоря, не трогайте Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини. Не раздражайте сильных мира сего... Президент вызвал посла в Белый дом. Неприятный разговор продолжался десять минут. После чего президент попросил Кеннеди уйти.

Элеонора Рузвельт нашла мужа в бешенстве:

– Я не желаю видеть этого сукиного сына! Возьми у него заявление об отставке и выпроводи из Белого дома.

Политическая карьера Джозефа Кеннеди завершилась. Теперь он будет ждать, когда успех придет к его детям...

Летом в Вашингтоне жарко. В выходной день советские дипломаты устремлялись к воде. Громыко не раздевался и на пляже. Скидывал пиджак, но сидел в брюках и рубашке с галстуком. Боялся американских журналистов: останешься в одних трусах – мигом сфотографируют и выставят в смешном свете.

Однажды на пляже семья Громыко – Андрей Андреевич, его жена Лидия Дмитриевна и сын Анатолий – обратили внимание на компанию спортивных молодых людей. Один из советских дипломатов – Валентин Михайлович Рожков пояснил:

– Между прочим, это дети Джозефа Кеннеди, который только что перестал быть послом в Лондоне.

Лидия Дмитриевна наставительно заметила сыну:

– Посмотри, какие крепкие ребята. Заниматься спортом –

полезно. Я тебе об этом каждый день говорю.

Когда Анатолий, послушавшись матери, пошел плавать, Рожков слегка улыбнулся:

– Я несколько раз встречал детей Джозефа Кеннеди. Старший, которого называли в честь отца, крепкий парень. А средний из сыновей, Джон Кеннеди, болезненный юноша.

Здоровье Джона Кеннеди с детства вызывало тревогу. Он был из тех детей, к которым липнет всякая зараза. Он будил мать по ночам своим плачем. Часто простужался, подхватывал то грипп, то скарлатину.

Роберт Кеннеди считал, что внутри старшего брата сидит какая-то зараза:

– Если комар укусит Джека, то и комар сохнет.

Однажды одноклассников предупредили, что Джек умирает и им надо молиться за него. Но он выкарабкался.

Он постоянно принимал лекарства, лежал в клиниках. При этом его учили не обращать внимания на собственное нездоровье. Жаловаться в принципе не разрешалось.

Отец внушал детям:

– У нас не плачут. Нам неудачники не нужны. В нашей семье мы хотим видеть только победителей.

– Нас учили не сдаваться, – рассказывал самый младший из братьев Эдвард Кеннеди, – что бы ни случилось, держаться до последнего – сколько хватит сил, воли и надежды.

Джек так много времени проводил в постели, что пристрастился к чтению. Единственный в семье. Он стал иронич-

ным, мог посмеяться и над собой. Писал из больницы: «Вчера мне удалось заглянуть в мою историю болезни, и я понял, что врачи мысленно уже снимают с меня мерку для гроба».

— Джек любил верховую езду, — вспоминал Эдвард Кеннеди, — но по возвращении у него случались приступы астмы, из чего он сделал вывод, что у него аллергия на лошадей.

И что же?

Он продолжал кататься, не позволяя недугу взять над собой верх.

И так всю жизнь. До самой смерти.

Медаль лейтенанта Кеннеди

Когда в декабре 1941 года японские торпедоносцы атаковали американский флот в Пёрл-Харборе и началась война на Тихом океане, Джозеф Кеннеди-младший, старший сын недавнего американского посла в Лондоне, оставил Гарвардскую юридическую школу, чтобы стать военным летчиком и защищать родину.

Джон Кеннеди хотел последовать его примеру. Но не прошел медицинскую комиссию. У него диагностировали язву двенадцатиперстной кишки, колит, воспаление толстой кишки. Постоянные боли в спине означали, что ему не место на военной службе. Но отец по-дружески обратился к адмиралу Алану Кирку, который прежде служил у него в посольстве в Лондоне военно-морским атташе, и флотские кадро-

вики закрыли глаза на заключение комиссии. Удовлетворились справкой, выданной домашним врачом. Джона взяли в военно-морскую разведку.

В Вашингтоне его сестра Кэтлин познакомила брата с двадцативосьмилетней журналисткой Ингой Арвад, красивой блондинкой родом из Дании. Когда она работала в нацистском Берлине, то пустила в ход все свое обаяние и получила интервью у Адольфа Гитлера, а также у второго человека в рейхе Германа Геринга и министра пропаганды Йозефа Геббельса. На Олимпийских играх 1936 года ее сфотографировали вместе с Гитлером.

В Вашингтоне у нее было море поклонников. Но Ингу поразили юный Кеннеди. Она знала толк в мужчинах и разглядела в нем амбиции и таланты, которые он искусно маскировал иронической улыбкой. А его восхитила яркая, умная, опытная женщина, искушенная и европейски изощренная. Обычно его страсть угасала, едва он удовлетворял желание. С ней он не хотел расставаться.

– С тобой мне не надо притворяться и что-то изображать из себя, – признался он Инге Арвад. – Ты меня слишком хорошо чувствуешь.

Роман разрушила война. После нападения японцев на американский флот в Пёрл-Харборе, как это всегда бывает, началась охота на шпионов. Иностранцы попали под подозрение. Пошли разговоры о том, что приехавшая из нацистской Германии Инга Арвад работает на Берлин. Военномор-

ская разведка всерьез проверяла, не использует ли она свою яхту «Южный крест» для того, чтобы заправлять немецкие подводные лодки, которые дежурят у американских берегов. Агенты Федерального бюро расследований, занимавшиеся контрразведкой, прослушивали ее телефонные разговоры.

Под подозрение попал и ее любовник – молодой флотский офицер Джон Кеннеди. Тут уж вмешался его отец. В разговоры о шпионстве Инги он не верил. Но исходил из того, что датская журналистка – в любом случае не пара его сыну. Она старше. Дважды была замужем. Не знает, что такое супружеская верность.

Старший Кеннеди обратился к военно-морскому министру Джеймсу Форрестолу. На следующий день лейтенант Джон Кеннеди получил предписание о переводе из Вашингтона на военно-морскую базу в Чарлстоун, штат Южная Каролина.

А он не желал расставаться с любимой женщиной! Они провели выходные в гостинице, где в номере № 123 Инга зарегистрировалась под чужим именем. За парочкой следили и ФБР, и военно-морская разведка. В гостиничном номере установили подслушивающие устройства. Отвечавший за операцию специальный агент ФБР учился с Кеннеди в Гарварде. Вернувшись домой, он признался жене:

– Знаешь, кого я сегодня подслушивал? Джона Фицджералда Кеннеди!

Джек был по-настоящему влюблен. Возможно, в первый

и последний раз в жизни. Но Инга рассталась с ним. Для нее роман с молодым человеком не имел перспектив. Эта история сильно на него повлияла. Больше ни одна женщина не завоюет его сердце. Им будет принадлежать его тело, но не душа. И ни с одной он не будет откровенен.

Инга Арвад не была шпионкой. В марте 1945 года Федеральное бюро расследований прекратило ее дело. В последний раз они с Кеннеди встретились в ноябре 1946 года в Нью-Йорке. Через три месяца она вышла замуж за бывшего актера Тима Маккоя и уехала с ним в штат Аризона. Через шесть месяцев родила сына. Спустя двадцать лет мать призналась ему:

– Я была беременна, когда выходила замуж за Тима Маккоя. И я не знаю, кто твой отец – он или Джон Кеннеди. Действительно не знаю.

Боли в спине заставили Джона Кеннеди лечь в клинику. Ему рекомендовали операцию на позвоночнике. Он отказался и был отправлен на Тихий океан. 29 сентября 1942 года он написал благодарственное письмо другу семьи – драматургу Клэр Бут Люс. Она прислала ему счастливую монетку, принадлежавшую ее матери. Он ответил: «Удача – товар, который нынче пользуется большим спросом». Удача ему понадобится.

Лейтенант Кеннеди получил под командование торпедный катер РТ-109.

Ночью 2 августа 1943 года японский эсминец «Амагири»

направлялся на Соломоновы острова, чтобы доставить туда пополнение. В темноте эсминец протаранил американский торпедный катер, практически разрезав его пополам. На другом патрульном катере, увидев, что произошло, решили, что PT-109 конец и его экипаж пошел ко дну.

Машинное отделение развалилось, топливо разлилось и вспыхнуло. Двое моряков погибли. Нескольких смыло за борт. Командир катера вновь и вновь нырял, чтобы их спасти. Он наглотался разлившегося по поверхности ядовитого топлива, но троих вытащил. Двенадцать часов моряки держались за разрушенный корпус, пока командир не принял решение покинуть катер. Оставшиеся в живых проплыли четыре мили до ближайшего кораллового атолла. Командир катера плыл, зажав в зубах нейлоновый шнур, и тащил за собой плот с тяжело раненым мотористом.

Джозефу Кеннеди сообщили, что его сын пропал без вести. Но он, крепкий орешек, ни слова не сказал жене. Через несколько дней флотское командование пришло к выводу, что экипаж катера точно погиб. Военно-морской священник отслужил панихиду...

На атолле Науру не было пресной воды. Командир катера поплыл к другому островку. Там он обнаружил кокосовые орехи и брошенный транспортный корабль. Нашлись канистры с питьевой водой, аптечка и консервы. Что смог, он прихватил с собой и поплыл назад. И проделывал это несколько раз, чтобы поддержать своих моряков.

9 августа его заметили полинезийцы, ловившие рыбу. Они отвезли на остров, занятый войсками союзников, скорлупу кокосового ореха, на которой командир катера нацарапал: «Науру. Одиннадцать живы. Кеннеди».

Моряки были спасены.

Кеннеди отправили в госпиталь. Его ждала операция на позвоночнике. Почти через год он получил медаль за мужество. В наградном листе лейтенанта Джона Фицджералда Кеннеди записано: «Действовал в соответствии с лучшими флотскими традициями ответственности и заботы о людях».

О подвиге молодого офицера написали в газетах, и Джон Кеннеди стал известен всей стране. 1 марта 1945 года его демобилизовали, признав негодным к несению военной службы вследствие «травмы, полученной во время выполнения боевого задания».

Прием у Громыко

Прием в советском посольстве в Вашингтоне был в полном разгаре. На большом экране демонстрировали советскую военную хронику. Посол Громыко и военный атташе подошли к группе американских военных. Те угощались армянским коньяком.

– Господа, надеюсь, я не заставил вас ждать слишком долго? – осведомился Андрей Андреевич.

– Ожидание было приятным, – ответил старший из гостей,

поставив на столик пустой бокал. — Что вы нам скажете, господин посол? Что ответила Москва? Может, ответ таков, что и нет смысла занимать ваше время?

— Господа, — начал Громыко, не обращая внимания на задиристый тон генерала, — нам с военным атташе поручено сообщить вам, что Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии откликнулась на вашу просьбу. Верные своему союзническому долгу, части Красной армии начнут наступление через десять часов. Из-за разницы во времени вы здесь будете спать, когда наши бойцы атакуют немцев, чтобы помочь попавшим в беду американским солдатам.

— Господин посол, лучшей новости и представить себе невозможно! — произнес старший из американских генералов.

Советский военный атташе предложил:

— Пройдемте ко мне, господа, и я посвящу вас в детали, чтобы мы могли координировать наши действия.

Старший из американских военных крепко пожал руку Громыко и последовал за военным атташе. Второй поступил так же. Третий, адмирал, задержал руку Громыко в своей:

— Мы благодарны за решение вашего командования начать наступление и помочь нашим частям, попавшим в беду. Мы понимаем, что такое фронтовое братство. Младший сын моих близких друзей сражался на Тихом океане. Его катер японцы пустили ко дну. Но его спасли. Кстати, вы наверняка знаете его отца, Джозефа Кеннеди. Он ваш коллега, служил

послом в Лондоне...

К Громыко подошел помощник – Валентин Михайлович Рожков, молодой человек с шапкой вьющихся темно-русых волос:

– Андрей Андреевич, государственный секретарь уходит. Сказать, чтобы в зал принесли еще икры и шампанского?

– Побережем запасы. Не тот случай. Я его провожу.

Государственный секретарь Соединенных Штатов куртуазно поцеловал руку жене советского посла.

– Ваша кухня, как всегда, выше всяких похвал. Но, к сожалению, я должен вернуться к делам. Военное время. Мы обязаны находиться на боевом посту.

Он повернулся к Громыко:

– Не оставляйте ваших гостей.

Посол настоял:

– Я провожу вас. Мы дорожим вашим обществом.

Спускаясь по лестнице, государственный секретарь сказал:

– Я хочу передать вам слова президента Рузвельта. Передайте их в Москву. Красная армия получит все, что вам необходимо. План поставок по ленд-лизу и впредь будет выполняться неукоснительно. Но!..

Он поднял указательный палец.

– Забудьте идею с принятием в Организацию Объединенных Наций, которую мы сейчас создаем, всех ваших республик. Поверьте, это неисполнимо. Нас никто не поймет. Не

ставьте под угрозу наше сотрудничество в борьбе с общим врагом. Сейчас, когда мы с двух сторон атакуем Гитлера, зачем ставить заведомо разъединяющие нас вопросы?

Проводив государственного секретаря, Громыко пошел в сторону своей квартиры. Подошел к лифту, но не смог в него сесть. Сотрудники посольства – все в мыле – таскали огромные чемоданы.

– Что тут происходит? – недовольно поинтересовался Громыко.

– Это багаж Андрея Януарьевича, – почтительно произнес человек с двумя чемоданами.

– Где посол? – В коридоре появился первый заместитель наркома иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский, как обычно чем-то недовольный.

Он начал с выговора:

– Почему я должен вас искать?

– Я на своем рабочем месте, – хладнокровно ответил Громыко.

– Я хотел побеседовать с госсекретарем, – бросил Вышинский.

– Он уже ушел.

– Как так? – разозлился Вышинский. – Почему вы его не задержали?

– Вы ни словом не обмолвились о намерении говорить с госсекретарем сегодня.

– Сами должны были догадаться!

Вышинский повернулся к помощникам и прошипел:

– Что вы так долго возитесь? Отправляйте вещи!

Те испуганно исчезли.

Вышинский сказал Громыко:

– Получите сегодня шифровку из Москвы. От хозяина.

Приказано добиваться, чтобы в состав Организации Объединенных Наций, которая сейчас образуется, вошли все наши республики. Зарубите себе на носу: от этого зависит ваша карьера. Не справитесь – пришлем на ваше место другого человека.

Поднявшись к себе в квартиру, Андрей Андреевич озабоченно спросил жену:

– Как Эмилия?

– Температура высокая.

– Бедный ребенок, – огорчился посол. – Врача вызвали?

– Будет с минуты на минуту.

– Я должен идти, – извиняющимся голосом сказал посол.

Лидия Дмитриевна взяла Громыко за руку:

– Что случилось? Он орал на весь коридор. У тебя неприятности?

– У меня задание, которое невозможно исполнить.

Андрей Андреевич вернулся в зал, где продолжался прием. Советник посольства Игнатенко подвел к нему молодого Аристотеля Оазиса.

– Андрей Андреевич, хочу вам представить нашего нового гостя... Видный судовладелец и наш будущий деловой

партнер...

Штат резидентуры внешней разведки в Вашингтоне был сравнительно небольшим. Резидент Степан Захарович Апресян, кадровый чекист, производил на посла странное впечатление. Потом Громыко объяснили, что старшего брата резидента, тоже чекиста, в разгар большого террора расстреляли. И Степана Апресяна арестовали, а через год столь же внезапно отпустили и командировали в Вашингтон.

Но расстрел брата и год за решеткой оставили тяжкий след на его психике. Перед каждой встречей с американцами он дико нервничал и не мог скрыть этого от своих подчиненных. Послу намекали, что резидента скоро отзовут и его место займет молодой Игнатенко. Поэтому Андрей Андреевич внимательно относился к его словам.

Кабинет Громыко

Следующее утро началось с совещания в кабинете посла.

– История вопроса такова, – докладывал политический советник. – В январе 1944 года на пленуме ЦК союзным республикам предоставили полномочия в области внешних сношений. В феврале поменяли конституцию. Республики получили право вступать в отношения с другими государствами, заключать с ними соглашения и даже обмениваться посольствами и консульствами.

– На совещании с американскими и британскими дипло-

матами, – кивнул посол, – я заявил, что в Организацию Объединенных Наций обязательно должны войти все союзные республики.

Советник продолжал:

– Американский президент в личном письме товарищу Сталину ответил, что в таком случае надо принять в ООН и все сорок восемь американских штатов... Товарищ Сталин написал Рузвельту, что для Советского Союза это принципиально важный вопрос, и напомнил, что, скажем, Украина и Белоруссия по количеству населения и по политическому значению превосходят некоторые государства.

Советник-посланник мрачно заметил:

– Из разговоров в государственном департаменте следует, что американцы считают наше предложение неудачной шуткой.

Громыко посмотрел на него:

– Сомневаетесь, что мы сможем добиться нужного результата?

– Все против, так что принять решение способен только сам Рузвельт.

Игнатенко добавил:

– Но кто-то должен ему посоветовать это сделать. Те, кому он доверяет. Его личные друзья. Даже не помощники. А именно друзья!

– Надо обратиться к жене президента, – раздумчиво произнес Громыко. – Где сейчас находится Элеонора Рузвельт?

В коридоре секретарь партийной организации посольства Новиков остановил Валентина Рожкова, помощника Громыко:

– Я, может, еще не знаю местных правил... Но почему посла отправили на какую-то встречу одного?

– Он нам не докладывает, куда направляется, – объяснил Рожков. – Он посол.

– Поинтересуйтесь! – наставительно сказал Новиков.

– Не положено, – кратко ответил Рожков.

– Я как партийный работник знаю: нет для советского человека такой формулы – не положено. А вдруг он в беду попадет? Провокацию устроят, и все...

– Ну хорошо. – Помощник посла не знал, как ему поступить. – Андрей Андреевич на встрече с женой президента. Но это должно оставаться тайной. Беседа на крайне деликатную тему.

– А, ну тогда понятно, – озабоченно произнес Новиков и ушел.

В Белом доме у Элеоноры Рузвельт

Советскому послу устроили встречу с женой президента Рузвельта.

– Наши общественные организации хотели бы организовать в Вашингтоне выставку. Необычную. Лишь поэтому я и рискую попросить вас о помощи.

Громыко разложил на столе большие фотографии – снимки мертвых детей.

– Это дети, убитые немцами на советской территории.

– Боже мой, – сказала потрясенная Элеонора Рузвельт, – конечно же я помогу организовать эту выставку. Все должны увидеть, какие немцы преступники.

В детстве она была стеснительным и одиноким ребенком. В политической жизни расцвела. Она ездила по стране, беседовала с людьми, не боялась проблем. Врагов встречала с открытым забралом. Элеонора училась летать, хотела стать пилотом. Она была смелой женщиной. Отказалась от охраны, которую обеспечивала секретная служба.

Рузвельт не сердился на жену за резкость ее высказываний, потому что знал, что чаще всего она оказывалась права, и редко пытался ее остановить. Однажды сказал ей:

– Америка – свободная страна. Говори, что думаешь. Я всегда вывернусь. Весь мир знает, что я не в состоянии тебя контролировать.

Будучи первой леди, она старалась сама зарабатывать на жизнь. Вела колонку в газетах. Читала лекции. Выступала по радио. Довольная, писала подруге: «Я зарабатываю столько же, сколько Франклин». Элеонор сама оплачивала свои счета. Одевалась с достоинством, носила только американское. В отличие от модниц не заказывала туалеты за границей.

Она разглядывала принесенные Громыко снимки, и слезы выступили у нее на глазах:

– Где все это происходит?

– На Украине, – объяснил Андрей Андреевич, – это советская республика, которая по численности населения и по размерам больше многих европейских государств. Часть Украины была оккупирована немецкими войсками и разграблена.

– Почему я об этом ничего не знала?

– У украинцев не было возможности рассказать о себе. Сейчас создается Организация Объединенных Наций. И мы хотим, чтобы Украина получила право вступить в нее. Но не встречаем понимания.

Кто такой конгрессмен Фрэнсис?

Помощник посла Валентин Рожков появился в двери:

– В приемной главный редактор газеты «Дейли ньюс».

Громыко задумчиво посмотрел на него:

– Опять станет задавать каверзные вопросы?

– Нет, сегодня он в отличном настроении, – улыбнулся помощник посла.

Экспансивный редактор тряс послу руку:

– Я хочу сердечно поблагодарить вас за помощь! Наши корреспонденты прислали первый репортаж из расположения частей Красной армии.

– Будем читать, – осторожно откликнулся Громыко.

– А у меня еще одна просьба. Я хочу взять интервью у

маршала Сталина.

– Товарищ Сталин – верховный главнокомандующий воюющей армии и глава государства. Он очень занят.

– Но иногда же он дает интервью!

– Редко.

– Позвольте напомнить вам, что я редактирую главную газету страны, к нам прислушивается вся Америка и даже президент Рузвельт.

– Даже президент? – Громыко позволил себе легкое сомнение.

– Мою газету он читает первой! – уверенно ответил редактор. – И воспринимает наши оценки и советы!

– Я работаю здесь не первый год. Нет ощущения, что президент Рузвельт нуждается в чьих-то советах, – мягко заметил советский посол.

– А вот и нуждается, – ухмыльнулся главный редактор. – Он прислушивается к жене, к адмиралу Джонсу и к конгрессмену Фрэнсису, чья племянница теперь работает в Белом доме. И к моей газете.

– Ну что же, – сдался Громыко, – обратитесь с официальной просьбой к товарищу Сталину об интервью. А я перешлю ее в Москву, сопроводив своими благожелательными комментариями.

Когда редактор ушел, Громыко вызвал Игнатенко:

– Вам что-нибудь известно о конгрессмене Фрэнсисе? Что он за человек? Какие у него взгляды?

Из кабинета Андрей Андреевич перешел в свою служебную квартиру. Сказал жене:

– Одевайся! Мы едем в оперу!

– Что случилось? – удивилась она. – Я уж и не помню, когда мы в последний раз были в опере.

– Я внезапно ощутил любовь к оперному искусству, – признался Громыко.

Настроение у него было превосходное.

Они оказались в одной ложе с пожилой парой: это были конгрессмен Фрэнсис и его жена.

– Господин посол! – приветствовал он Громыко. – Могу ли я осведомиться, как дела на фронте?

– Сейчас идут бои за освобождение Белоруссии.

– А вы знаете, что родители моей жены из Витебска?

– Неужели! – поразился Громыко. – Так мы с вашей супругой земляки. Мы с женой тоже из Белоруссии.

– Говорят, Белоруссия сильно разрушена.

– Разрушено очень многое, – подтвердил Громыко. – И сейчас в Москве задумались о том, как ее восстанавливать.

– Чем помочь? – поинтересовался Фрэнсис. – Я спрашиваю искренне. Я-то родом из Греции. Греки и русские всегда помогали друг другу. Тем более что мой соотечественник Аристотель Оазис попросил вас всячески содействовать. А его слово для меня важно, он, знаете ли, становится важной фигурой.

– Белоруссия нуждается очень во многом. Но у нее нет

возможности сказать о себе. Сейчас создается ООН. И мы считаем, что Белоруссия, которая пережила столь многое, должна быть принята в состав Объединенных Наций, чтобы после разгрома Германии участвовать в сохранении мира.

– Это справедливо, – согласился Фрэнсис. – Я скажу об этом президенту. Мы с ним вместе часто обедаем... У жены остались родственники в Белоруссии. Как вы думаете, они живы?..

– Если вы назовете мне имена и адреса, попытаюсь узнать.

Москва. Наркомат иностранных дел. Кабинет наркома

Вышинский зашел к наркому иностранных дел Молотову и положил на стол шифровку от Громыко.

– Вот видите, Вячеслав Михайлович! – торжествующе произнес он. – Я предупреждал, что столь ответственная миссия Громыке не по плечу! В тот момент, когда следует сконцентрироваться на главном направлении, он болтает с американскими журналистами и просит, чтобы товарищ Сталин дал интервью какой-то газете. Будто у товарища Сталина нет других дел!

– У вас есть конкретные предложения? – хмуро поинтересовался нарком.

– Конечно, я сам мог бы заняться этим делом...

Вышинский сделал паузу, ожидая реакции Молотова, но

не дождался.

– Громыко доложил вам о беседе с женой Рузвельта? – спросил Андрей Януарьевич.

– Нет.

– И мне не счел нужным доложить. Что это означает? Недисциплинированность? Или поддержание каких-то сомнительных контактов без ведома руководства? Он себя там удельным князем ощущает. Или в свои игры играет, недостойные советского дипломата.

– А вы запросите Громыко, – посоветовал Молотов, – пусть все объяснит.

– Надо дать Громыке в помощь надежного работника. В посольстве в Вашингтоне есть вакансии советника.

– Кого рекомендуете?

– Новикова. Он все-таки раньше работал в ЦК партии.

Вашингтон. Советское посольство. Кабинет посла

На совещании Громыко обратился к Новикову:

– Вы заметили необычный тон сегодняшних редакционных статей американской прессы?

– Я их еще не читал, – ответил Новиков.

– Ас чего же вы начинаете утро? – поинтересовался посол.

– Утром я читаю «Правду», – гордо ответил Новиков.

– А вы знаете английский, товарищ Новиков? – спохва-

тился посол.

– Не знаю.

– Начинайте учить, – посоветовал Громыко.

В кабинет посла вошел шифровальщик:

– Срочная телеграмма!

Шифровальщик прочитал: «Напоминаю, что вам не рекомендуется проводить встречи, не санкционированные Москвой, которые могут быть неверно истолкованы в стране пребывания».

Громыко поднял голову:

– Кто подписал?

– Товарищ Вышинский.

Вашингтон. Квартира посла

Вечером Громыко сказал жене:

– Сегодня открытие картинной галереи. Там будет Элеонора Рузвельт. Но ты поедешь одна.

– Я не хочу без тебя. Что мне там делать одной?

– На тебя возлагается важная дипломатическая миссия. – Губы Громыко изогнулись в улыбке. – Ты подойдешь поздороваться и передашь ей этот пакет с фотографиями. Объяснишь: это новые снимки для выставки о детях – жертвах войны. И не беспокойся – с тобой поедет хороший переводчик.

– Наверное, я не должна задавать тебе этот вопрос. Но почему ты обратился именно к Элеоноре Рузвельт?

– Элеоноре было всего восемь лет, когда умерла ее мать, и десять, когда скончался ее отец. Он спился. Ранняя смерть родителей, собственное одиночество воспитали в ней умение сочувствовать и сопереживать. Она готова помочь тем, кто попал в беду, кто нуждается в помощи и поддержке...

Вернувшись, Лидия Дмитриевна вошла в кабинет мужа:

– Все произошло так, как ты говорил. Элеонора Рузвельт сама подошла ко мне. Просила передать тебе, что она беседовала с президентом. И нашла у него полное понимание.

– Спасибо тебе. – Громыко поцеловал жену. – Думаю, это был решающий разговор.

Кабинет советника Новикова

Один из сотрудников посольства зашел к советнику Новикову, информировал:

– Жена Громыко передала жене Рузвельта какой-то пакет.

– А что та сказала?

– Что говорила с мужем и нашла у него понимание...

– Что это за секретные переговоры наш посол устроил с американским президентом? – недовольно заметил Новиков. – Никого не поставив в известность.

– Личные дела устраивает? – подхватил молодой дипломат. – Не собирается ли он...

Новиков снисходительно кивнул:

– Спасибо, можете идти... Главное – сохранять бдитель-

ность. Обо всем важном докладывайте мне лично.

Кабинет посла

Постучав, в кабинет посла вошел молодой человек с бледным лицом – он редко покидал свою комнату. Это был шифровальщик. В руке он держал папку.

– Срочная телеграмма из Москвы! Я только что расшифровал.

Посол взял папку. Прочитал шифровку. И нажал кнопку вызова:

– Где военный атташе?

В кабинет вошел генерал:

– Слушаю, Андрей Андреевич.

– Если мне не изменяет память, к вам должен зайти адмирал Джонс.

– Так точно. Жду его ровно через час.

– Когда он будет уходить, предупредите меня. Я должен его повидать.

Адмирал быстро спускался по лестнице. Андрей Андреевич поднимался ему навстречу.

– Господин посол!

– Господин адмирал! Как младший сын ваших друзей, о котором вы беспокоились?

– Лейтенант Джек Кеннеди в госпитале. Но прогноз хороший. Главное – он не попал в плен к япошкам и будет сра-

жаться.

– Я искренне рад, господин адмирал. Скажите, а правда, что вы по воскресеньям играете в бридж с президентом Рузвельтом?

– Совершенно верно. Когда-то охотились, но сейчас это развлечение недоступно президенту. Так что играем в бридж. Хотите присоединиться?

– Я неважный игрок, – признался Громыко.

– Вы себя недооцениваете, – откликнулся адмирал.

– В карты, – пояснил посол. – Но мне очень нужно поговорить с президентом в неофициальной обстановке.

Адмирал пристально посмотрел на посла:

– Я понял. Сделаю что смогу.

В воскресенье утром Громыко, как обычно, пришел в свой кабинет.

– Как-то мало людей в посольстве, – недоуменно заметил он.

– Так сегодня воскресенье, – осторожно ответил Рожков.

– Неужели? – искренне поразился посол.

Громыко хотел прикрыть за собой дверь.

– Андрей Андреевич, извините, что напоминаю... Завтра утром в Москве будут ждать шифровку. Когда прислать шифровальщика?

– Я скажу.

Громыко закрыл да собой дверь.

В два часа дня влетел Рожков:

– Только что звонили из Белого дома! Президент ждет вас!... Но вы ничего не говорили о предстоящей встрече.

– Предупредите шифровальщика, – распорядился Громыко. – Когда я вернусь, он должен быть готов к работе.

Белый дом. Овальный кабинет

В овальном кабинете советский посол застал президента Франклина Рузвельта, вооруженного лупой. Перед ним лежали альбом с марками и каталог.

– Я и не подозревал, что вы такой страстный филателист! – сказал Громыко.

– Только по воскресеньям, – объяснил Рузвельт. – Каждое воскресенье мне присылают из государственного департамента марки, срезанные с поступающей со всего мира почты. А в будние дни я работаю президентом – у меня контракт с американским народом.

Он отодвинул в сторону альбом.

– Верно, у вас очень важное дело, если вы мобилизовали такие важные персоны в Вашингтоне. Элеонора просила вас принять.

Рузвельт нажал кнопку звонка. Появилась секретарь.

– Где первая леди? – осведомился президент.

– Она в тюрьме, – ответила секретарь.

– Меня это не удивляет, – заметил Рузвельт. – Но за что?

– Она в женской тюрьме, – принялась объяснять секре-

тарь, не уловив президентского юмора. — Она же занимается правами заключенных...

Рузвельт отослал секретаря и повернулся к Громыко:

— Я бы предложил вам перекусить, но боюсь, кухня Белого дома вас разочарует.

Громыко знал, что, по мнению Элеоноры Рузвельт, президент страны не вправе тратить слишком много казенных денег на еду. Она составила дешевое меню для обитателей Белого дома: омлет с кетчупом, поджаренный хлеб, картофельное пюре, пудинг с черносливом... Элеонор знала, что в еде ее муж эпикуреец, но не хотела с этим считаться. Полагала, что если Франклину три раза в день готовить яичницу с беконом, он будет вполне доволен.

Посол приступил к делу:

— Господин президент, я родом из Белоруссии. Белорусы пережили то же, что и американские военные моряки в Пёрл-Харборе, на которых ранним утром посыпались бомбы. Но японцы, отбомбившись, улетели. А в Белоруссии на смену немецким самолетам пришли немецкие танки. Немцы оккупировали Белоруссию, как они оккупировали Францию. Но белорусы в отличие от французов не капитулировали. А продолжали сражаться. Одни, отступив, на фронте. Другие ушли в партизанские отряды. На американскую землю вражеские армии не высаживались. Американцы не знают, что это такое.

— Господин посол, я глубоко сочувствую вашим соотече-

ственникам. И делаю все, чтобы им помочь. Но невозможно принять в ООН все ваши республики...

– Господин президент, вы всегда стремитесь найти разумный компромисс. И я хотел бы от себя предложить компромиссную формулу, которая всех устроит. В ООН примут три республики, которые больше всех пострадали в войну, – Белоруссию, Украину и Литву. И я готов отстаивать этот компромисс перед моим руководством в Москве...

– Литву? – переспросил Рузвельт. – О Литве я ничего не знаю. Знаете что... Давайте так. В ООН вступают Белоруссия и Украина. И все!

Громыко смотрел на него молча, глубоко задумавшись.

– Хорошо, господин президент. Будем считать, что договорились.

– Но ваше правительство примет такую договоренность? – уточнил Рузвельт.

Громыко поднялся:

– Я уверен, что сумею убедить наше правительство в том, что это разумный компромисс.

Он пошел к двери.

– Конгрессмен Фрэнсис просил передать вам поклон, – сказал ему вдогонку президент. – Он проявил поразительную осведомленность в делах вашей родной Белоруссии, где он никогда не был. Он ведь не белорус, а грек.

Советское посольство. Кабинет посла

В посольстве Громыко продиктовал шифровку в центр, сообщив о разговоре с президентом Рузвельтом.

– Но, Андрей Андреевич, – неуверенно заметил Рожков, – Москва будет недовольна. Президент дал согласие только на две республики!

– Москва вчера поставила задачу обеспечить вступление в ООН Украины и Белоруссии. Так что мы сегодня неукоснительно исполнили указание центра.

В кабинет посла заглянул Игнатенко. Андрей Андреевич сделал приглашающий жест:

– Я хотел поговорить относительно вашего Аристотеля Оазиса...

Белый дом. Овальный кабинет

К президенту в овальный кабинет стремительно вошел государственный секретарь:

– Господин президент, но мы же с вами говорили о том, что исполнить сталинское требование невозможно! И вдруг я узнаю, что вы дали Громыко согласие!

– Да? – Рузвельт посмотрел на госсекретаря. – Вы же знаете мою манеру вести дела. Левая рука не должна знать, что

делает правая.

Госсекретарь поинтересовался:

– Меня вы считаете какой рукой?

– Вы – моя правая рука. Но левую я держу под столом.

– Господин президент, я высоко ценю ваш юмор. Но речь идет о коренных принципах мироустройства! Я считал, что мы с вами единомышленники.

– Не горячитесь. Сталин требовал принять все республики. Я согласился только на две – Украину и Белоруссию.

– Но все равно, господин президент, это принципиальный вопрос, – настаивал госсекретарь. – Украина и Белоруссия – всего лишь части Советского Союза.

Рузвельт посмотрел на госсекретаря:

– Манера Громыко вести переговоры напоминает бормашину в зубо врачебном кабинете. Такая же глубоко проникающая, непрерывная и очень болезненная. Спорить с Громыко – все равно что спорить с бормашиной. Проще согласиться.

Москва. Наркомат иностранных дел. Кабинет наркома

Вышинский стремительно вошел в кабинет Молотова:

– Вячеслав Михайлович, я считаю необходимым...

Молотов остановил его движением руки:

– Минутку. Я хочу, чтобы вы узнали первым. Только что

расшифровали сообщение Громыко о встрече с Рузвельтом. Громыко докладывает, что американский президент согласился на вступление Украины и Белоруссии в ООН. Дело сделано!

Молотов, довольный, встал:

– Еду к товарищу Сталину.

Он спохватился на полпути:

– Да, у вас же какое-то срочное дело?

Вышинский решительно качнул головой:

– Вполне терпит до вашего возвращения.

Кабинет Вышинского

Вышинский влетел в свою комнату в полной ажитации. Вытащил листок из папки и стал рвать его на мелкие кусочки.

Помощник заглянул в кабинет первого заместителя наркома:

– Вызывали, Андрей Януарьевич?

– Да вас час не дозовешься! – закричал Вышинский. – Что за работников бог послал! Все обленились! Расслабились! Военное время! Всех надо разогнать!

Он глянул на помощника:

– Что вы тут стоите? Идите и работайте!

Вашингтон. Советское посольство. Кабинет посла

Громько примерял новый посольский мундир.

– Тебе очень идет, – сказала Лидия Дмитриевна.

Послу полагался мундир с вышитой звездочкой на погонах и металлической золоченой эмблемой – двумя скрещенными пальмовыми ветками.

Постучав, вошел шифровальщик. Извиняющимся тоном объяснил:

– Срочная шифровка из Москвы, Андрей Андреевич. Лично вам!

– Что-то случилось? – озабоченно спросила Лидия Дмитриевна.

Кабинет Игнатенко

Игнатенко набрал номер Аристотеля Оазиса.

Тот лежал в постели с молодой девушкой. Когда зазвонил стоявший на туалетном столике телефон, отвлекся с неудовольствием. Протянул руку и небрежным жестом поднял телефонную трубку.

– Хочу сказать вам спасибо за неоценимую помощь, – произнес Игнатенко.

– Что-то я таких денег не знаю – «спасибо», – буркнул Оазис.

Игнатенко у себя в кабинете снисходительно улыбнулся:

– Очень скоро вы убедитесь в том, что сделали очень надежное капиталовложение.

Встреча в Потсдаме

Летом 1945 года разгромленный Берлин казался мертвым городом. Поэтому руководители стран-победительниц собрались в пригороде столицы, в Потсдаме; он меньше пострадал от авиационных налетов и артиллерийских обстрелов. Здесь Иосиф Сталин, американский президент Гарри Трумэн и премьер-министр Уинстон Черчилль решали, что делать с разгромленной Германией. И сохранять ли ее вообще как самостоятельное и единое государство.

Все, кто приехал на конференцию в Потсдам, конечно же пожелали осмотреть столицу поверженного Третьего рейха. Андрей Андреевич Громыко и его помощник Валентин Рожков тоже постояли возле разрушенной имперской канцелярии.

Рожков вполголоса сказал послу:

– Андрей Андреевич, смотрите – министр Форрестол.

Американский военно-морской министр Джеймс Винсент Форрестол не скрывал своей нелюбви к коммунизму и коммунистам и потому не пользовался популярностью среди ра-

ботавших в Вашингтоне советских дипломатов.

– Вот что было бы с нами, если бы они победили, – заметил министр Форрестол, проходя мимо.

Форрестол и Громыко слегка поклонились друг другу.

– Видите того молодого человека? – так же тихо произнес Валентин Рожков. – Это молодой Кеннеди.

– Сын Джозефа Кеннеди, недавнего посла в Лондоне и сторонника умиротворения Гитлера? – уточнил Громыко.

– Да, – подтвердил помощник, – Кеннеди-младший отличился в боях на Тихом океане с японцами. Награжден. А теперь его комиссовали, он стал журналистом. Но собирается заняться политикой.

Загорелый, стройный, но очень худой молодой человек, широко улыбаясь, подошел к советским дипломатам.

– Я Джек Кеннеди, – непринужденно представился он. – Могу я попросить об интервью с генералиссимусом Сталиным, раз уж он здесь, в Берлине?

Громыко и бровью не повел. Рожков улыбнулся:

– Руководитель советского государства полностью поглощен важными переговорами. В том числе с вашим президентом.

Кеннеди улыбнулся еще шире.

– Я знаю, что Сталин вчера приезжал к Трумэну. Они познакомились и неплохо поговорили. Мне даже известно, чем наш президент угощал вашего.

Открыв блокнот, который он держал в руке, Кеннеди пе-

речислил:

– Суп со шпинатом, жареная печень, бекон, запеченная свинина, картофель, фасоль, фрукты, пирожные... Ну и аппетит у них... От сигары Сталин отказался, а калифорнийское вино оценил.

Джон Кеннеди закрыл блокнот. Улыбка не сходила с его лица.

– Так как насчет интервью с генералиссимусом?

Громыко участливо поинтересовался:

– Как вы себя чувствуете после той драматической истории у Соломоновых островов?

Часть третья

Нью-Йорк. Машина советского представителя

На конференции в Сан-Франциско в июне 1945 года от имени Советского Союза Андрей Андреевич Громыко подписал Устав ООН. Этот символический акт закрепил за ним место в истории дипломатии.

В апреле 1946 года Громыко утвердили постоянным представителем в ООН и для укрепления его аппаратных позиций одновременно назначили заместителем министра иностранных дел. Эпоха сотрудничества с западными державами заканчивалась, начиналась холодная война. В конце сороковых Громыко больше двадцати раз использовал право вето, данное постоянным членам Совета Безопасности ООН, поэтому его и стали именовать «мистер Нет».

После большого приема на обратном пути в машине Андрей Андреевич делился впечатлениями с женой:

– Заметила, как изменилось лицо государственного секретаря Джорджа Маршалла, когда он меня увидел? Только что он улыбался кому-то, и вдруг глаза похолодели. А ведь когда после высадки войск союзников в Нормандии в сорок четвертом товарищ Сталин наградил его полководческим ор-

деном Суворова, именно я вручил ему награду. И передал слова товарища Сталина: «Я доверяю Джорджу Маршаллу, как самому себе». Представляешь себе! «Я доверяю Джорджу Маршаллу...» Тогда он был генералом, а теперь он государственный секретарь, отвечает за внешнюю политику Соединенных Штатов и терпеть нас не может.

– Тогда мы были друзьями и союзниками, а теперь непонятно кто, – откликнулась Лидия Дмитриевна.

Представительство СССР в ООН. Кабинет Громыко

Прочитав расшифрованное послание из Москвы, Громыко задумался. В кабинет заглянул Валентин Рожков:

– Андрей Андреевич, все собрались.

Громыко занял председательское место в зале заседаний, где расположились все старшие дипломаты представительства СССР в ООН.

– Товарищ Сталин поручил нам ответственное дело, – сказал Громыко. – Заканчивается британский мандат на Палестину. Но... Англичане уходить не намерены. Они хотят создавать там военные базы. Надо заставить англичан уйти. Такая возможность найдена. Наша новая линия – добиваться раздела Палестины на два государства, арабское и еврейское. Это позволит покончить с британским владычеством на Ближнем Востоке. Этот регион должен стать сферой на-

шего влияния. Если мы добьемся успеха, без нас здесь ничего не будет решаться.

Один из советников заметил:

– Андрей Андреевич, нет ни единого шанса. Расклад такой. Англия – категорически против раздела Палестины и создания двух государств. Соединенные Штаты – скорее против, Франция – ей не до того... Китай проголосует так же, как Англия и Америка... Арабские страны, разумеется, против. Латинская Америка – против... Кто же за?

Он развел руками.

Советник Новиков подытожил:

– Пустые хлопоты.

Громыко не разделял общего пессимизма:

– Сейчас определяется будущее Ближнего Востока. Этот регион со временем будет играть важнейшую роль в жизни всего мира. Там нефть. И не только... Упустим возможность стать ключевым игроком – впредь нас не станут принимать всерьез.

Квартира Громыко

Лидия Дмитриевна ждала мужа, чтобы покормить ужином. Громыко вернулся в свою квартиру поздно.

– Поешь, – предложила она.

– На ночь глядя наедаться вредно.

Лидия Дмитриевна понимающе кивнула:

– Опять невыполнимое задание?

Москва. МИД. Кабинет заместителя министра Деканозова

В Москве в кабинет заместителя министра иностранных дел Владимира Георгиевича Деканозова стремительно вошел его секретарь. Закрыв за собой дверь, сообщил:

– В вашей приемной Максим Максимович Литвинов.

Деканозов, маленького роста бледный блондин с голубыми глазами, скривился и вяло махнул рукой:

– Заводи!

Когда появился Литвинов, который почти десятилетие был министром иностранных дел, Деканозов привстал и небрежно пожал ему руку:

– Поздравляю с семидесятилетием. Присаживайтесь.

Он плюхнулся на свое место за огромным письменным столом.

– Мне поручили сообщить вам, что вы освобождены от работы и переведены на пенсию. Решением Совета министров вам дали персональную пенсию союзного значения.

– Но я писал товарищу Сталину. Просил дать мне какую-то работу. Я не привык бездельничать.

Деканозов со скукой посмотрел на него.

– Да, я знаю. Можем подобрать вам должность в Комитете по делам искусств.

Максим Максимович возмутился:

– Я ничего в этом не понимаю.

Деканозов рассердился:

– Какую же работу вы имели в виду?

– Я четверть века в наркомате иностранных дел!

– Другой работы у меня для вас нет! Отдыхайте, товарищ

Литвинов.

Когда дверь за бывшим наркомом иностранных дел закрылась, помощник сочувственно сказал Деканозову:

– Обиделся Максим Максимович.

– Обиделся? – раздраженно повторил Деканозов.

Он даже вскочил с кресла:

– Знаешь, что он в своем кругу брякнул? Что наркоматом руководят три человека – Молотов, Вышинский и Деканозов – и ни один из них не понимает ни Америки, ни Англии. Ну, насчет Вышинского он, конечно, прав... Но сказать, что я не разбираюсь в американских делах!.. Как у него язык не отсох!..

Деканозов вернулся на свое место.

– Ладно. Займемся делами. Товарищ Сталин поручил нам проголосовать за раздел Палестины. Составьте инструкции для Громыко, я подпишу... Такого содержания...

Помощник вооружился блокнотом и ручкой.

– Американцы боятся, что еврейское государство, если оно будет создано, станет коммунистическим и превратится в нашу базу на Ближнем Востоке... Правильно боятся! Так

и будет! Поэтому я считаю, что сейчас нам надо осторожно высказываться в пользу создания еврейского государства. Ни в коем случае не проявлять активности... Обманем американцев... Объясните Громыко, чтобы он вел себя тише воды ниже травы.

Нью-Йорк. Представительство СССР при ООН

По лестнице советского постпредства в Нью-Йорке поднимался высокий, элегантно одетый джентльмен с бледно-желтым отливом кожи и большой лысиной. Его сопровождал советник постпредства Новиков.

– У вас есть своя армия? – Новиков плохо представлял себе ситуацию на Ближнем Востоке.

– О какой армии вы говорите?

– О еврейской армии!

– Нет, своей армии у нас нет, у нас еще нет государства.

– Как же вы собираетесь отстаивать свою независимость?

– В составе британской армии в войну сражались еврейские подразделения, но командование не позволяет их объединить.

Новиков удивленно спросил гостя:

– Как хорошо вы говорите по-русски! Где учили?

– Русский – язык моего детства. Я же родился в Российской империи.

Он не без удовольствия сказал Новикову:

– А вы знаете, что во время Генуэзской конференции весной двадцать второго года меня даже приняли за Ленина? Мы ведь похожи, верно?

С лица Новикова мгновенно исчезла улыбка. Он отчеканил:

– Товарища Ленина ни с кем нельзя спутать.

Кабинет постпреда Громыко

Помощник Громыко распахнул перед неожиданным гостем дверь. Андрей Андреевич вышел навстречу:

– Прошу, господин Вейцман.

Гость расположился напротив Громыко. Улыбаясь, заметил:

– Еще недавно трудно было себе представить, что советские дипломаты будут принимать главу Всемирной сионистской организации.

– Я знаю вас, господин Вейцман, как химика с мировым именем, – отозвался Громыко. – Но перейдем к делу. Я задам вам прямой вопрос. Какими вы видите отношения между будущим еврейским государством в Палестине и Советским Союзом?

– По географическим, экономическим и политическим причинам установление тесных отношений с Советским Союзом будет первоочередной заботой еврейского государства. Мы рассчитываем на дружбу и взаимопонимание с вашей

страной. О дружеских чувствах, которые палестинские евреи питают к русскому народу, и говорить не приходится...

– Что же, – кивнул Громыко, – это я и рассчитывал услышать. Тогда расскажите, какой вам видится нынешняя ситуация.

Вейцман пожаловался:

– Вся беда в том, что англичане категорически против. Они столько лет противятся созданию нашего государства.

– Мы обратили внимание на слова министра иностранных дел Великобритании о том, что палестинским евреям не нужно свое государство, – заметил Громыко. – Но вашему делу мешают не только англичане. Американская администрация, как я вижу, тоже не поддерживает идею раздела Палестины и создание еврейского государства. Белый дом, Пентагон и государственный департамент – все против вас.

Коридор в здании представительства СССР при ООН

Новиков в коридоре постпредства остановил другого советника:

– Товарищ Деканозов дает нам прямое указание – скрывать от американцев наши намерения, вести себя осторожно и аккуратно. Не понимаю Андрея Андреевича! Он идет против указаний товарища Деканозова!

Второй советник не пожелал участвовать в столь опасной

дискуссии:

– Начальству виднее. Товарищ Громыко знает, что делает. И убежал.

– Не уверен, – пробормотал Новиков. – По-моему, это непартийный подход к делу.

Государственный департамент США. Кабинет госсекретаря

Государственный секретарь США Джордж Маршалл внушал главе Всемирной сионистской организации Хаиму Вейцману:

– Для вашей собственной пользы вам следует избегать любого выражения симпатий к России. Подумайте над тем, как Соединенные Штаты и западный мир воспримут особые отношения между вами и Советским Союзом. Неужели вы не понимаете, что русские поддерживают вас с одной целью – торпедировать американскую политику?

Джордж Маршалл грозно предупредил Вейцмана:

– Если на еврейское государство нападут арабские армии, на помощь Соединенных Штатов рассчитывать не следует. Так что я советую вам не спешить с провозглашением своего государства, чтобы не подвергать себя риску быть уничтоженными. Повремените!

Хаим Вейцман с достоинством ответил:

– Господин государственный секретарь, евреи ждали это-

го момента две тысячи лет. Никто не может обвинить нас в недостатке терпения...

Белый дом. Овальный кабинет

Президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн проводил совещание в Белом доме. В овальном кабинете государственный секретарь Маршалл внушал участникам совещания:

– Нельзя ссориться с нефтедобывающими странами. Без них Америка существовать не может. А без еврейского государства американцы уж как-нибудь обойдутся... Ближневосточная нефть важнее всего остального. Задача нашей внешней политики – обеспечить вооруженные силы нефтью. Вы просто не понимаете, что сорок миллионов арабов легко толкнут четыреста тысяч евреев в море. И все. На этом история еврейского государства закончится, не начавшись. Лучше подумайте о нефти – мы должны быть на стороне нефти.

Президент Трумэн с ним не согласился:

– Я намерен признать еврейское государство, если оно будет провозглашено.

Лицо государственного секретаря Джорджа Маршалла побагровело. Глядя президенту в глаза, он сказал:

– Если вы это сделаете, то на выборах я проголосую против вас.

Нью-Йорк. Представительство СССР при ООН. Кабинет Громыко

На совещании в постпредстве Громыко сказал:

– Министр иностранных дел Великобритании объявил о решении передать вопрос о Палестине в Организацию Объединенных Наций. Жест отчаяния. Англичане умывают руки.

Андрей Андреевич позволил себе пошутить:

– Значит, нам надо засучить рукава. Теперь судьба Палестины зависит от двух великих держав – Советского Союза и Соединенных Штатов.

Он продолжил:

– Насколько нам известно, самые влиятельные фигуры в администрации Трумэна категорически возражают против еврейского государства. И президент ничего с ними не может поделать. Как ему пойти против Джорджа Маршалла с его ореолом военного героя! Трумэн может сколько угодно менять чиновников в государственном департаменте, но ссориться накануне выборов с одним из самых популярных в стране людей – немыслимо.

Один из советников добавил:

– Политическое будущее самого Гарри Трумэна рисуется в мрачных тонах. По опросам общественного мнения, он неминуемо проигрывает будущие выборы. Его влияние упа-

ло даже в собственной администрации.

Громыко кивнул:

– Словом, ему не до палестинских евреев. Знаете, что это означает?

Он обвел глазами своих помощников.

– Что решающее слово остается за нами. Мы должны ясно заявить свою позицию. И если сделаем это умело, наша позиция и будет принята.

– Арабские страны обидятся, – заметил Новиков.

– Они нас не принимают всерьез. А в их мире ценится только сила. Пусть осознают наше влияние и наши возможности. Вот тогда они захотят с нами дружить.

Новиков настороженно сказал:

– Но на каждый шаг нам нужна санкция Москвы.

– Разумеется, – согласился Громыко. – Где шифровальщик?

Москва. МИД. Кабинет заместителя министра

В Москве заместитель министра Деканозов был крайне раздражен:

– Почему Громыко не исполняет моих указаний? Подготовьте телеграмму о том, что все свои шаги он должен согласовывать со мной. Со мной! А не с Вышинским. При чем здесь Вышинский?.. Давайте быстро шифровку. Я жду.

Нью-Йорк. Вышинский вернулся

Советский представитель в ООН не мог пропустить концерт, на который собралось все высшее общество Нью-Йорка. Оркестр еще играл, когда в ложу, где сидел Громыко, проник запыхавшийся сотрудник посольства. Сказал на ухо:

– Андрей Андреевич, вас срочно просят вернуться.

Громыко очень тихо поинтересовался:

– Что-то случилось?

– Мне не сказали.

Громыко повернулся к жене:

– Нам надо идти.

Когда они спускались по лестнице, Лидия Дмитриевна испуганно спросила:

– Что произошло? Ты не догадываешься?

Громыко покачал головой.

Когда машина въехала в ворота советского представительства, ожидавший его помощник распахнул дверцу:

– Андрей Андреевич, вас очень ждут наверху.

Лидия Дмитриевна была недовольна:

– Андрюша, ты еще не ужинал.

– Сейчас вернусь, – обещал Громыко. – Не отдавай никому мой ужин.

Пока они поднимались, Валентин Рожков объяснил послу ситуацию:

– Товарищ Вышинский вернулся!

Громыко посмотрел на него с удивлением.

– Пилот самолета, на котором он вылетел из Нью-Йорка, сразу после взлета обнаружил неполадку. Самолет совершил вынужденную посадку. Первый заместитель министра приехал сюда.

Помощник с каменным выражением лица предупредил Андрея Андреевича:

– У товарища Вышинского плохое настроение...

В зале для совещаний спешно собрались все старшие дипломаты. На председательском месте, которое обычно занимал Громыко, расположился Вышинский.

– Наконец-то вы пожаловали! – голос Вышинского был полон сарказма. – Нашли время развлекаться! Здесь первый заместитель министра, а постпред на концерте... Только я улетел, все перестали работать. Ну и порядки у вас тут!.. В результате ваш непосредственный начальник вынужден трудиться вместо вас!

Пока Вышинский, сверкая глазами, произносил эту тираду, Громыко преспокойно уселся на место рядом с ним, поинтересовался:

– Вы не голодны, Андрей Януарьевич?

– Что? – Вышинский сбился с тона.

– Я беспокоюсь, покормили ли вас? Или мне распорядиться насчет ужина?

– Я поел, – ответил Вышинский. – Давайте к делу. Раз я

оказался здесь, то завтра заменю вас. Сам выступлю в ООН.

На заседании одного из комитетов ООН в Нью-Йорке председательствующий объявил:

– Слово предоставляется первому заместителю министра иностранных дел Советского Союза господину Андрею Вышинскому.

Присутствующие надели наушники. За стеклянной перегородкой переводчики зашевелили губами. Вышинский говорил эмоционально, жестикулировал.

Андрей Андреевич Громыко и другие дипломаты заняли места напротив. Один из помощников задремал, другой листал иллюстрированный журнал, третий что-то меланхолично рисовал. Громыко слушал внимательно. Он быстро написал что-то на бумаге и склонился к помощнику:

– Отнесите Андрею Януарьевичу.

Рожков прошел через весь зал и положил записку перед Вышинским. Тот, продолжая ораторствовать, развернул ее. Там было написано: «Андрей Януарьевич, вы излагаете американскую позицию. Наша позиция следующая...»

Вышинский как ни в чем не бывало договорил. Сделал паузу. Скомкал записку и громко произнес:

– То, что я сейчас излагал, – это позиция поджигателей войны! Это позиция англо-американцев! Она неприемлема для людей доброй воли. Мы придерживаемся совершенно иной позиции...

Когда выходили из зала, Громыко поздравил Вышинско-

го:

– Сильное выступление, Андрей Януарьевич!

– Вы находите? – Вышинский растаял. – Мне тоже показалось, что я был в ударе.

Громыко придержал его за локоть:

– Хотел попросить вашего совета. Товарищ Деканозов часто дает нам указания по палестинскому вопросу...

– Вот оно что, – неприятно удивился Вышинский.

– Мне представляется, что одно из его указаний неточно. С нашей точки зрения, необходимо обращаться к общественному мнению. Мобилизовать американцев в пользу нашей точки зрения. Только это способно заставить президента Трумэна проголосовать так, как нам надо.

Вышинский посмотрел на Громыко оценивающим взором:

– Думаю, вы правы. Я вас поддержу в Москве. Что касается указаний Деканозова... Забудьте. Это не его епархия. Я удивляюсь, почему он вмешивается в эти вопросы.

Лидия Дмитриевна и Андрей Андреевич вышли на обязательную вечернюю прогулку. Когда они отошли подальше, она озабоченно спросила:

– Почему два твоих начальника – Вышинский и Деканозов так не любят друг друга?

– Все очень просто, – пояснил Громыко. – Это состязание за право влиять на Молотова. Деканозов силен близостью к органам и к Берии. Вышинский – юрист, умеет быстро

формулировать. Деканозов, чувствуя поддержку Берии, ведет себя уверенно, смело решает любые вопросы, дает указания послам.

– А что же Вышинский? Он же все-таки первый зам.

– Андрей Януарьевич публично не проявляет своего недовольства, боится конфликтовать с Деканозовым, которого Берия привез из Грузии. Но Вышинскому не нравится, что тот вмешивается в его епархию.

В зале заседаний ООН председательствующий объявил:

– Слово предоставляется представителю Советского Союза.

Громыко прошел на трибуну:

– Представители арабских стран указывают на то, будто бы раздел Палестины – историческая несправедливость. С этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода. И мы не можем упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны. В результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи как народ потерпели больше, чем какой-либо другой народ. Поэтому советская делегация поддерживает рекомендацию о разделе Палестины.

В зале его выступление слушали с неослабевающим вниманием. Выступление имело успех, о чем Громыко рассказал жене, когда они вышли на вечернюю прогулку.

– Ты не очень рискуешь, играя на противоречиях между Вышинским и Деканозовым? – спросила Лидия Дмитриевна.

– Я не играю. – Легкая улыбка появилась на губах Громыко. – Я использую сильные стороны каждого из них ради общего дела.

Лидия Дмитриевна покачала головой:

– Я решительно отказываюсь понимать ваш мужской мир... Но, Андрюша, я тебя прошу: будь осторожен... Я боюсь Вышинского. Всякий раз, когда он появляется, мне не по себе... Не могу забыть, что он столько лет служил прокурором...

– По-моему он и не перестал им быть.

– Деканозов еще опаснее.

– Знаешь, поначалу на первом плане в министерстве был Деканозов. Надо отдать ему должное. Он умеет выдвигать перспективных людей. Но теперь верх берет Вышинский. И что-то мне подсказывает, что Деканозов не задержится на своем посту.

На совещании в постпредстве Громыко задумчиво заметил:

– Голосов не хватает.

– Что делать?

– Есть только одна возможность. Надо, чтобы латиноамериканские страны либо проголосовали за раздел Палестины, либо воздержались.

– У нас нет рычагов влияния на Латинскую Америку, –

констатировал советник.

– У нас нет, – согласился Громыко. – А у администрации Трумэна есть. Помощник государственного секретаря Нельсон Рокфеллер способен надавить на каждого из латиноамериканских диктаторов. Он их всех знает.

Советник развел руками:

– Вот на него мы повлиять точно не можем. И даже если все скинемся, чтобы его подкупить, денег не хватит.

Громыко пропустил его шутку мимо ушей:

– Нельсон Рокфеллер вел тайный бизнес с нацистской Германией. И многие латиноамериканские страны поддерживали отношения с гитлеровцами. Если напомнить об этом, то получится, что латиноамериканские диктаторы возражают против создания еврейского государства из антисемитских, то есть фашистских, побуждений. И Нельсон Рокфеллер их поддерживает.

– Выходит, он тоже антисемит и фашист, – подхватил советник. – Это прозвучит сильно. Но кто все это скажет?

– Поговорим с главным редактором «Дейли ньюс». Он умолял нас организовать ему интервью с товарищем Сталиным. Мы это сделали. Теперь он просит дать въездную визу его корреспонденту. Мы снова поможем... А сейчас надо обратить его внимание на сомнительное прошлое господина Рокфеллера. Подготовьте убедительные материалы.

Когда сотрудники посольства разошлись, Игнатенко подошел к послу.

– Рокфеллер вложил несколько миллионов долларов в добычу нефти в Венесуэле. Сейчас его компания налаживает экспорт венесуэльской нефти. Нужны танкеры. Нам известно, что Рокфеллер обратился к Аристотелю Оазису. Пока это держится в секрете. Я поговорю с Оазисом?

Громыко задумался:

– А зачем Оазису ссориться с нефтедобывающими арабскими странами и поддерживать раздел Палестины и создание там еврейского государства?

– Аристотель Оазис возит на своих танкерах латиноамериканскую нефть. Арабы с их нефтью – конкуренты. Утопить их – в прямом или переносном смысле – святое дело. Так что Оазис нам союзник.

Вашингтон. Белый дом. Овальный кабинет

В овальном кабинете Белого дома президент Гарри Трумэн и государственный секретарь Джордж Маршалл остались одни.

– Вот уж никто не ожидал, что Советский Союз придет сионистам на выручку, – сказал Гарри Трумэн. – Да еще как! Громыко не просто выразил симпатию еврейскому народу, а потребовал создания в Палестине еврейского государства.

Джордж Маршалл мрачно заметил:

– Обычно Громыко говорит «нет». На сей раз он сказал «да». И очень громко!

Трумэн констатировал:

– Идея создания еврейского государства в Палестине обрела черты реальности.

Государственный секретарь еле сдерживал себя:

– Господин президент, значит, вы все-таки намерены поспорить с арабскими странами, которые поставляют нам нефть?

Перед президентом лежали газеты с изложением выступления советского представителя.

– Я прочитал речь Громыко, – объяснил Гарри Трумэн. – Даже сами евреи никогда не выступали в свою защиту так ярко и убедительно. Поймите, Джордж, если уж Сталин однозначно поддержал создание еврейского государства, как же я могу быть против? Это исключено. Избиратели меня не поймут. Я уже позвонил нашему представителю в ООН и сам объяснил ему, что он должен проголосовать «за». Чтобы не произошло сбоя в бюрократической цепочке... И если еврейское государство будет создано... Мы опоздали и не сумели первыми высказаться за его создание. По крайней мере признаем первыми.

Государственный секретарь развернулся и вышел из овального кабинета. Гарри Трумэн с сожалением посмотрел ему вслед. Перед ним лежала утренняя газета с портретом советского посла Громыко.

Москва. МИД. Кабинет заместителя министра

В Москве в кабинет заместителя министра иностранных дел Деканозова вошла молодая хорошо одетая девушка. Глянув на нее, Владимир Георгиевич воодушевился.

– Вы – Спиридонова? И хотите работать у меня секретарем? Что же, я думаю, вы мне подходите.

Маленький и толстый, Деканозов вышел навстречу ей из-за стола, взял за руку, чтобы поздороваться, нагло притянул к себе и попытался поцеловать. Девушка покраснела и слегка отстранила его. Он еще крепче держал ее. Она размахнулась и отвесила ему звонкую пощечину. Он не ожидал отпора. От неожиданности выпустил ее из рук.

Девушка опрометью бросилась из кабинета.

Деканозов нажал кнопку звонка. В кабинет вошел его помощник, столкнувшись с убегавшей девушкой, которая не успела вымолвить ни слова.

Деканозов, потирая покрасневшую щеку, сказал помощнику:

– Что-то я смотрю, Громыко там своевольничает. Что он о себе возомнил? Надо его приструнить. Сейчас я этим займусь.

Едва помощник вышел, зазвонил аппарат правительственной связи. Деканозов снял трубку, услышал голос и вытянулся:

– Слушаю, Лаврентий Павлович!.. Да, была. А что?..

Растерянно переспросил:

– Чья она дочка?

Слушая голос Берии, Деканозов побледнел. Когда Лаврентий Павлович бросил трубку, Деканозов без сил опустился в кресло:

– Мне конец!..

Нью-Йорк. Представительство СССР при ООН. Кабинет Громыко

Игнатенко стремительно вошел в кабинет Громыко:

– Сработало, Андрей Андреевич! После долгого и бурного разговора с Аристотелем Оазисом заместитель государственного секретаря Нельсон Рокфеллер вот уже третий день – это нам точно известно – обзванивает всех, кого он знает в Латинской Америке, и призывает поддержать раздел Палестины.

– А знает он всех, кто принимает решения в каждой из стран, – заметил Громыко.

– И, видимо, он очень убедителен, – согласился Игнатенко. – По нашим данным, Бразилия и Гаити, собиравшиеся голосовать «против», проголосуют «за». Никарагуа, Боливия и Эквадор, намеревавшиеся воздержаться, тоже проголосуют «за». Аргентина, Колумбия и Сальвадор, возражавшие против раздела Палестины, воздержатся при голосовании.

По радио передавали репортаж о голосовании на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

– За раздел Палестины и создание двух государств – еврейского и арабского – проголосовали тридцать три страны, – говорил диктор. – Против – тринадцать. Несколько стран, в том числе Англия, воздержались. Решение принято!

В кабинет Громыко внесли кинопроектор.

– Прислали свежую кинохронику из Палестины, – пояснил помощник.

Пленка зашуршала в проекторе. На большом экране возникли кадры праздничного Тель-Авива.

– Сотни тысяч палестинских евреев, обезумевших от счастья, вышли на улицы, охваченные энтузиазмом, – говорил диктор. – Около двух тысяч человек собрались в здании одного из самых больших кинотеатров. Над столом президиума большой портрет Сталина и лозунг: «Да здравствует дружба между Государством Израиль и СССР!» При упоминании Советского Союза, особенно когда звучит имя Андрея Громыко, зал взрывается аплодисментами.

Громыко смотрел вполглаза. Махнул рукой:

– Заберите! И вызовите шифровальщика.

Он продиктовал срочное сообщение министру иностранных дел Молотову:

«Голосование на Генеральной Ассамблее ООН свидетельствует о полном успехе нашей внешней политики. Мы дока-

зали свою способность влиять на ключевые проблемы мировой политики и добиваться нужных нам решений. Отныне все знают, что на Ближнем Востоке ни одна серьезная проблема не может быть решена без участия Советского Союза».

Вечером в квартире советского представителя за ужином Лидия Дмитриевна осторожно поинтересовалась:

– У тебя много дел на конец недели? Может быть, соберемся за город наконец? Погуляем... Такая погода хорошая. Тебе надо отдохнуть после всего, что здесь происходило. И немного отвлечься. Пора научиться отдыхать.

– Это тоже надо уметь, – согласился Андрей Андреевич. И добавил: – Только что пришла шифровка от Молотова. Меня отзывают в Москву.

Лидия Дмитриевна с тревогой посмотрела на мужа:

– Мы провели здесь целых девять лет. В Москве столько изменилось за эти годы... В министерстве новые люди. Ты никого из них не знаешь... Что нас там ждет?

Нью-Йорк. Крестины Кристины Оазис

На родине Аристотель Оазис конечно же устроил бы пышные крестины своей долгожданной дочери. На чужбине организовать праздник, достойный столь важного события, оказалось труднее.

Аристотель женился на Афине (дома ее называли просто Тиной) Ливанос, дочери корабельного магната Ставра Ливаноса.

ваноса, сразу после войны. А Тина подарила ему ребенка только через четыре года.

Кристина появилась на свет в Нью-Йорке. Далековато от родных мест ее родителей, и людей собралось сравнительно немного. Но церковь была пышно украшена. Священника счастливый отец тоже не обошел вниманием, так что крестины дочери Аристотеля Оазиса стали главным событием того дня.

Крестным стал партнер Оазиса – Ставрос Ниархос. Он держал девочку на руках.

– Отрекаешься ли ты от сатаны, и от всех дел его, и от всех демонов? – вопрошал священник.

– Отрекаюсь, – говорил за нее Ниархос.

Священник прочитал «Символ веры»:

– Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым...

Закончив молитву, спросил Ниархоса:

– Каким именем нарекаешь ее?

– Кристина, – громко произнес Ниархос.

У Аристотеля Оазиса – невиданное дело – на глазах появились слезы.

Священник опустил девочку в купель и трижды полил ей голову водой, произнося:

– Крещается раба Божья Кристина во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Маленькая Кристина перенесла все стоически, даже не

заплакала. Ее переодели в белую рубашечку, отстригли ей прядь волос и повесили на шею преподнесенный Ниархосом дорогой золотой крестик.

Гости по очереди подходили к улыбавшимся родителям и протягивали конверты с деньгами для Кристины, повторяя:

– Дай Бог, чтобы она вас радовала!

Аристотель пригласил всех в ресторан напротив церкви, закрытый в тот день для других посетителей. Он был действительно счастлив. Когда они с женой подошли к ресторану, его остановили двое полицейских, которые явно не переживали из-за своего излишнего веса.

– Аристотель Оазис?

Он не утратил своей самоуверенности:

– А кого это интересует?

Один из полицейских ловко схватил его за руки, второй, сопя носом и отдуваясь, защелкнул наручники.

– Судью Гаррисона. Сейчас ты предстанешь перед ним.

Оазис возмутился:

– Я только что крестил дочь! Да у нас дома в такой день...

Полицейский запихнул его в машину:

– У себя дома делай что хочешь. А у нас правит закон.

Через несколько часов в тюрьму приехал его адвокат, который не сомневался, что Оазиса отпустят под залог.

– Вопрос только в сумме, – объяснил он.

Оазис недоумевал:

– Что им от меня надо?

– Тебе известно такое имя – Роберт Кеннеди? – спросил адвокат.

Аристотель задумался:

– А, помню! Этот мальчик присутствовал на приеме здесь, в Нью-Йорке, который устроила Памела Черчилль, невестка Уинстона Черчилля. Он мне сразу не понравился.

– Ты ему тоже, – заметил адвокат.

Роберту Кеннеди было двадцать семь лет, Аристотелю Оазису – пятьдесят три, хотя он скрывал свой возраст и говорил, что ему всего сорок семь. Удивительным образом эти два человека сразу почувствовали ненависть друг к другу. Эта ненависть одного из них унесет в могилу...

– Он мне в сыновья годится, а ведет себя как наместник всевышнего на земле, – возмущался Оазис. – Я понимаю, что его отец – важная шишка, но...

– А его старший брат Джон Кеннеди – герой войны и только что стал сенатором, – добавил адвокат. – Ему сулят большое будущее.

– И что им всем от меня нужно? – зло спросил Оазис.

Вечеринка у Мао Цзэдуна

Аристотель Оазис приобрел десять американских супертанкеров. Суда такого водоизмещения имеют стратегическое значение. Закон запрещал их продажу иностранцам. Оазис зарегистрировал фиктивную компанию, которая формально

принадлежала четверем уважаемым американским гражданам, в том числе одному отставному адмиралу, герою войны. Они и приобрели эти танкеры. Потом их акции перекупила зарегистрированная в Панаме компания, принадлежавшая Оазису.

Таким образом он стал владельцем целого флота танкеров, который должен был приносить ему огромную прибыль. Но он был новичком на этом рынке. Клиенты к нему не спешили. И тогда поступило неожиданное предложение.

Григорий Федорович Игнатенко вновь работал в советском посольстве в Лондоне. Они встретились на дипломатическом приеме. Игнатенко сразу затеял с Оазисом деловой разговор:

– Есть страна, Аристотель, где готовы хорошо платить за фрахт ваших танкеров. А вы ее игнорируете. Отказываетесь от возможности заработать.

– А именно? – без интереса осведомился Оазис.

– Только что созданная Китайская Народная Республика.

– Красный Китай? – пренебрежительно бросил Оазис. – Да откуда у коммунистов деньги? Это же голодранцы. К тому же они под санкциями.

– Насчет денег вы ошибаетесь, – хладнокровно заметил Игнатенко. – Это огромная страна, и на дело государственного значения деньги найдутся. Что касается санкций... Почему вы должны подчиняться американским решениям? Вы гражданин Греции, у вас свои политические симпатии.

Аристотель Оазис полетел в Пекин. Добирался долго, с пересадками. Зато в аэропорту китайской столицы коммунисты встречали западного бизнесмена с почестями, словно главу государства. Такого Оазис еще не видел.

Верные своему убеждению, что прибывающие к ним иностранцы умирают с голода, китайцы взялись поразить Оазиса всем великолепием своей кухни. Блюда подавались одно за другим нескончаемой чередой. Хозяева следили за тем, чтобы тарелка гостя не пустовала.

– Обязательно попробуйте жареную свинину, приготовленную в остром хунаньском соусе с красным перцем, – настойчиво советовали Оазису. – Это блюдо любит председатель Мао.

Во время трапезы следовали бесконечные тосты. Пили за здоровье гостя и за дружбу. Бокал гостя наполняли и наполняли. При этом звучали бодрые выкрики:

– Гамбэй! Пей до дна!

После обильного ужина Аристотеля Оазиса отвезли к вождю коммунистического Китая Мао Цзэдуну, чьи фотографии он видел в газетах.

Не доезжая до площади Тяньаньмэнь, машина свернула влево и проехала через традиционные китайские ворота с красными колоннами. Резиденция Мао была окружена стенами Запретного города, старого императорского дворца. Мао разместился в императорском комплексе Чжуннаньхай, как вожди большевиков обосновались в Кремле. Всех высе-

лили, и за стенами Запретного города обитал только вождь китайской революции, обслуживающий его персонал и охрана.

Аристотель Оазис во все глаза смотрел на человека, который управлял самым многочисленным народом на земле. Многое ему казалось странным.

С того самого момента, как, одолев всех врагов, под аплодисменты своих поклонников Мао стал главой огромного государства, он не умывался, не принимал ванну и не мыл голову. Его каждый день растирали горячими полотенцами, делали ему массаж, а парикмахер заботливо укладывал волосы.

В своих странностях председатель не был одинок. В уставе партии «продолжателем дела» Мао Цзэдуна, иначе говоря, его официальным преемником и наследником значился министр обороны маршал Линь Бяо, который тоже пришел на встречу с Аристотелем Оазисом. Переводчик объяснил, что имя маршала в переводе с китайского означает «Лесной барс». Но Линь Бяо казался очень застенчивым. Если министру обороны предстояло выступать на публике, ему вводили лекарство, которое официально именовалось «витамин С». Похоже, это был наркотический препарат.

К тому же Линь Бяо боялся воды. Он тоже никогда не мылся, его обтирали полотенцами. И он не пил. Жена размачивала в воде булочки и кормила ими маршала. Линь Бяо, командуя в Гражданскую войну частями китайской Красной

армии, был четырежды ранен. Возможно, это объясняло особенности его поведения.

Мао Цзэдун неизменно держался подальше от поля боя, так что вражеские пули его не задели. Но и председателя преследовал страх, что клянущиеся в вечной преданности соратники предадут его и отравят...

Когда в кабинет председателя Китайской Народной Республики привели Аристотеля Оазиса, Мао посмотрел на посетителя пронизывающим, слегка ироническим взглядом, улыбаясь и как бы предупреждая всем своим видом, что бессмысленно пытаться его обмануть.

– Я вижу, вы человек решительный и не боитесь трудностей, – сказал Мао. – Мы такие же. Вы увидите, что с нами легко и выгодно сотрудничать. Американцы просто этого пока не поняли. А мы умеем быть благодарными.

Председатель не любил долгих монологов. Облекал свои мысли в форму болтовни и шуток. В результате главные мысли окутывались множеством трудно разгадываемых иносказаний. Речи Мао напоминали зыбкие тени на стене. Создавалось впечатление, что имеешь дело с пришельцем с другой планеты, который иногда чуть приподнимал завесу, скрывающую будущее, давая возможность заглянуть за нее, но никогда не раскрывая всего.

– Китай – бедная страна, – говорил Мао. – Считается, что бедность – это плохо. На самом деле бедность – это хорошо. Ужасно представить себе время, когда все станут богатыми.

Из-за избытка калорий у людей вырастут две головы и четыре ноги. Я всегда презирал западных людей, объедающихся мясом. Что хорошего в том, чтобы растить живот, как у иностранного капиталиста в фильмах? Я считаю, надо научить наших людей варить похлебку пожиже и есть поменьше.

После коротких переговоров Мао пригласил Оазиса поужинать. По дороге оба зашли в туалет. Оазис не обнаружил в ванной комнате мыла.

– Мы экспортируем весь жир, – объяснил Мао, – да мыло и не нужно, я сам давно мою руки без мыла.

Оазис переел и перепил за обедом. Хотел отказаться от ужина, но понял, что это невозможно. Да и на сей раз он угодил не столько на трапезу, сколько на вечеринку, где было полно привлекательных женщин. И не только китайнок.

Оазис узнал одну из них – американскую журналистку крайне левых взглядов Агнес Смедпи. Принципиальная противница брачных уз, она когда-то была любовницей советского разведчика Рихарда Зорге, казненного во время войны японцами.

Переводчицей Агнес Смедли, которая не знала китайского, взяла театральную актрису Лили У. Они обе добивались внимания председателя Мао. Агнес раздобыла патефон и пластинки с модным тогда фокстротом и знакомила вождей китайских коммунистов с западными танцами.

Мао танцы нравились. Как и внимание женщин.

– Я уже говорил вам, что Китай – очень бедная страна, мы

располагаем немногим, – сказал он Оазису. – Но что у нас имеется в излишке – это женщины.

Решив, что вождь шутит, Оазис ответил в том же духе:

– А разве их экспорт не запрещен?

– Если они вам нужны, можем выделить вам небольшое число – несколько десятков тысяч, – предложил Мао.

– Разумеется, на добровольной основе, – уточнил Линь Бяо.

Мао женился несколько раз. Судьбы всех его жен оказались трагичными.

Первую спутницу жизни – по имени Ло Игу – ему подыскал отец, когда будущему вождю китайской революции исполнилось всего четырнадцать лет. Невеста, его дальняя родственница, оказалась на четыре года старше жениха. Родители подписали брачный договор, не спрашивая мнения сына.

– Я никогда с ней не жил и женой не считал, – обиженно говорил Мао.

Брак оказался недолгим. Ло Игу умерла совсем молодой.

Тогда Мао женился на Ян Кайхуэй, красивой дочери своего преподавателя. Впрочем, любил он другую женщину, но она не приняла его радикальных политических взглядов. А вот Ян Кайхуэй сразу подпала под его чары. Она признавалась:

– Я решила, что если у нас с Мао ничего не получится, ни за кого другого я замуж не выйду.

Когда они поженились, квартиру Мао снял на деньги из

партийной кассы. Кайхуэй работала учительницей, преподавала китайский язык и арифметику. Они часто ссорились.

Уезжая, он оставил ей стихотворение:

*В уголках твоих губ и в изгибе бровей
Мне все видятся отблески гнева,
А в глазах твоих – капельки слез.*

*На дорогу к Восточным воротам иней лег толстым
слоем сегодня.
И осколок луны освещает пруд и неба одну половину.
Как печально мне, как одиноко!*

Она родила ему троих сыновей, но Мао быстро утратил к ней интерес. Кайхуэй тосковала, передавала мужу квашеную фасоль с красным перцем – любимое блюдо Мао.

Жена тоже писала ему стихи:

*Я уже много дней не сплю.
Я просто не могу спать. Я схожу с ума.
Прошло уже столько дней, а он не пишет. Я жду день
за днем.*

*Слезы...
Если бы только я могла забыть его. Но его прекрасный
образ!
Как я люблю его! Небеса, дайте мне верный ответ!*

Она знала об изменах мужа, и это отравляло ей жизнь. Хотела покончить с собой. Не решилась, не желая оставлять детей одних. Но жену Мао арестовали правительственные войска, преследовавшие коммунистов. После недолгого суда казнили. Солдаты сняли с расстрелянной жены Мао Цзэдуна башмаки и забросили их подальше – таково было поверье, иначе дух убитой стал бы их преследовать.

Когда солдаты ушли обедать, выяснилось, что несчастная женщина еще жива. Какой-то добрый человек побежал уведомить об этом солдат. Они оторвались от обеда, вернулись и добились ее.

О смерти второй жены Мао узнал из газет. Отправил теще тридцать серебряных юаней, чтобы она установила надгробие на могиле. Ян Кайхуэй умерла, потому что не пожелала отречься от своего мужа. А он уже давно жил с другой женщиной, которая родила ему дочь.

Мао не видел в своем поведении ничего предосудительного, повторял:

– Потребность в любви сильнее всего.

Третья жена вождя китайских коммунистов, Гуйюань, была на шестнадцать лет его младше. Но Мао не считал, что она одна вправе претендовать на его внимание. Многоженство было широко распространено в Китае. Женщина услаждает жизнь мужчины, и не более того.

Судьба детей тоже мало интересовала Мао. Не до них, когда его мысли отданы революции!

– Такие люди, как я, – объяснял Мао своему гостю Аристотелю Оазису, – в долгу лишь перед самими собой. Мы ничем не обязаны другим. Великие герои становятся могущественными, неистовыми и непобедимыми. Сила героев подобна урагану, вырывающемуся из теснин ущелья, подобна сексуальному маньяку, охотящемуся за своей жертвой. Нас не остановить...

Председатель Мао развлекался с гостями, пока в комнату не ворвалась разгневанная женщина. Как выяснилось, его жене Гуйюань характера было не занимать. Ей не понравилось, что она застала мужа в интимном обществе красивых дам. А ее мужа, который уже привык к подчинению и восхищению окружающих, появление жены крайне разозлило:

– Ты – железо, я – сталь, стоит нам столкнуться – все звенит.

К изумлению Аристотеля Оазиса, который привык к другому стилю взаимоотношений между мужчиной и женщиной, Гуйюань принялась колотить главу Народного Китая металлическим фонариком.

Потом она набросилась на разлучниц.

Мао пытался ее урезонить:

– Ты позоришь себя как коммунист! Иди домой, пока другие члены партии не узнали о твоём поведении.

Приказал охране увести Гуйюань.

Для Аристотеля Оазиса поездка в Пекин оказалась на редкость удачной. Игнатенко был прав. Его флот получил ки-

тайские заказы. Платили ему щедро и не торгуясь.

Но множилось и число врагов. Роберт Кеннеди обещал посадить Оазиса за антиамериканскую деятельность:

– Торговать с коммунистическим Китаем – помогать врагу!

Роберт Кеннеди, которого все называли просто Бобби, после юридического факультета Вирджинского университета начинал в отделе по борьбе с уголовной преступностью министерства юстиции. Но вскоре оставил работу, чтобы помочь брату завоевать место в сенате.

После победы Джона на выборах Бобби предложил свои услуги сенатору Джозефу Маккарти, председателю сенатского подкомитета по расследованиям. О сенаторе узнала вся страна, после того как он заявил в клубе женщин-республиканок:

– У меня в руках список в двести пять человек, которые известны государственному секретарю как члены коммунистической партии, но они тем не менее продолжают работать в государственном департаменте и определять нашу внешнюю политику.

Сенатор Маккарти так и не смог доказать свое обвинение. Да никакого списка и не существовало! Но он продолжал говорить о коммунистическом заговоре, преследующем цель подорвать Америку изнутри. Неустанная борьба с тайными коммунистами сделала его знаменитым. В его аппарате можно было сделать большую карьеру.

Но Маккарти не взял на работу Роберта Кеннеди. Объяснил, что уже обещал место главного юридического советника Рою Кону, помощнику прокурора Нью-Йорка. Рой Кон, несмотря на свою молодость, уже был юристом с именем. Он помог вынести обвинительный приговор советским агентам Юлиусу и Этель Розенберг, которых казнили за передачу Москве атомных секретов.

Роберт Кеннеди был крайне раздражен отказом. Не подозревал тогда, что Бог спас его от работы на сенатора Маккарти, чья яркая карьера вскоре завершится самым прискорбным образом.

Молодой юрист занялся другим громким и перспективным делом.

Роберту Кеннеди поручили выяснить, кто из союзников Соединенных Штатов позволяет себе тайно торговать с коммунистическим Китаем. Изучая донесения ЦРУ и военно-морской разведки, Кеннеди обнаружил, что грузы в Китай доставляют суда, принадлежащие греческим компаниям.

Роберт Кеннеди возмущенно рассказывал журналистам:
– Получается, что наши греческие союзники, получающие от нас значительную финансовую помощь, торгуют с китайскими коммунистами, которые убивают американцев!

Аристотель Оазис попал в черный список. Федеральное большое жюри постановило: любое его судно, которое зайдет в американский порт, будет арестовано. Судебное решение могло его разорить.

Расстроенный Аристотель Оазис встретился с Игнатенко в греческом ресторане.

— Как ваше дело? — поинтересовался советский дипломат. — Читал в газетах, что обвинения против вас выдвинули серьезные. Но я слышал, вы наняли одного из лучших адвокатов в городе.

— Я не за себя беспокоюсь, меня камера не пугает, да и ничего у них в суде не выйдет, — самоуверенно ответил Оазис. — За семью боюсь! За дочь прежде всего! Не знаю, что они придумают. Или американцы посадят мою жену вместе с ребенком, чтобы надавить на меня... Или конкуренты доберутся до них, чтобы меня шантажировать... Все знают, как много Кристина для меня значит.

Он настойчиво повторил:

— Мне надо вывезти отсюда дочь. Но не знаю, кому довериться.

Игнатенко неожиданно спросил:

— Мне доверите?

Оазис долго смотрел на него. Кивнул:

— Да.

Игнатенко пояснил:

— Через два дня уходит наш теплоход. Он везет на родину сотрудников советской колонии, срок командировки которых закончился. Дайте мне фото вашей жены, и я через наше консульство выпишу советский паспорт вашей жене и дочери. Они сядут на пароход как советские граждане. Они

благополучно покинут американскую территорию, и никто об этом знать не будет.

Нью-Йорк. Квартира Громыко

В квартире постпреда полным ходом шли сборы. Семья Громыко готовилась к возвращению на родину. Андрей Андреевич без пиджака, но в безукоризненно выглаженной белой рубашке и черном галстуке разбирал скопившиеся на письменном столе бумаги. Счастливые дети Анатолий и Эмилия собирали вещи.

Помощник Громыко Валентин Михайлович Рожков доложил:

– Я утром побывал на «Победе». Это немецкий теплоход, назывался «Иберия». Ходил в Вест-Индию. Получили его в счет репараций. Трофей, короче говоря. Приписан к Черноморскому морскому пароходству. Познакомился с капитаном, опытный моряк. Пассажиров вы почти всех знаете – наши дипломаты с семьями. Спецрейс. Проверил вашу каюту, очень комфортная. Вам будет удобно.

Громыко кивнул:

– Мы уже почти готовы.

Рожков добавил:

– Но вот что я выяснил. Путешествие может затянуться. Капитан получил указание из министерства зайти еще и в Александрию и принять на борт египетских армян, которые

возвращаются в Советскую Армению. Почти две тысячи человек. С вещами. Так что это займет время.

– Важное дело, – одобрительно кивнул Громыко. – Мы тоже этим занимались. Важно, чтобы все армяне смогли вернуться на историческую родину.

– Но путешествие из-за этого затянется, – напомнил Рожков. – Сначала репатриантов доставят в Батуми. Только после этого судно пойдет в Одессу. А вы, Андрей Андреевич, сказали, что спешите в Москву... Я бы предложил вещи погрузить на «Победу», а вам с семьей сесть на шведский пароход «Грипсхольм». Быстрее будете дома.

– Андрюша, детям понравится морское путешествие, – заметила Лидия Дмитриевна. – Когда еще им представится такая возможность. Зачем нам так торопиться?

Постоянное представительство СССР при ООН

Игнатенко остановил озабоченного Рожкова в коридоре постпредства:

– Хотел с тобой обсудить...

– Извини, тороплюсь, – сказал помощник полпреда. – Может, попозже?

– А, – понимающе кивнул Игнатенко, – уже провожаешь Андрея Андреевича на «Победу»?

– Нет, – объяснил Рожков, – «Победой» отправляем только вещи. Полпред с семьей поплывет на шведском пароходе.

Нью-Йорк. Порт

Григорий Игнатенко срочно встретился с Аристотелем Оазисом – в том же греческом ресторане, что и в первый раз. Есть ничего не стал. Сразу приступил к делу:

– Есть смысл отправить вашу семью на шведском пароходе. Это сложнее организовать. Но думаю, все получится. А плюс в том, что пароход в том числе сделает остановку в Афинах, и ваша жена с ребенком спокойно сойдут на греческий берег, где они будут в безопасности.

Аристотель Оазис поверил Игнатенко.

Он даже не мог проводить жену и дочь в порт. Не хотел, чтобы их видели вместе. Перед отъездом склонился над Кристиной и нежно поправил шапочку, прикрывавшую красивое личико. Прошептал:

– Я позабочусь о тебе, деточка. Ни о чем не беспокойся.

Игнатенко уже находился в порту, когда подъехало такси с женой Аристотеля Афиной Оазис. Несколько растерянная, она держала девочку на руках. Игнатенко легко подхватил ее чемодан и повел Афины к трапу шведского судна. Предупредил:

– Молчите, вы не знаете английского. Говорить буду я.

Он показал свою дипломатическую карточку и ее новенький советский паспорт. Скучающий американский иммиграционный инспектор сверил фамилию со списком пассажи-

ров и приглашающе махнул рукой:

– Вас, русских, необычно много на пароходе. Только что ваш дипломат с семьей приехали.

Когда поднялись на палубу, Игнатенко провел жену Оазиса в отдельную каюту:

– Я обо всем договорился с помощником капитана. Мы ему хорошо заплатили. Еду вам будут приносить сюда, в каюту. Захотите выйти на палубу – на всякий случай держитесь подальше от остальных пассажиров. В Афинах вам помогут сойти на берег... Ни о чем не беспокойтесь. Мы с вашим мужем давние партнеры и держим слово, которое дали друг другу.

Москва. Министерство государственной безопасности

В огромный кабинет министра государственной безопасности Виктора Семеновича Абакумова вошел дежурный:

– Товарищ генерал-полковник, разрешите...

Абакумов нетерпеливо махнул рукой:

– Какие новости из Одессы?

– Летчики морской авиации Черноморского флота, облетев указанный район, обнаружили сгоревший теплоход «Победа» к юго-востоку от Ялты. На воде визуально наблюдаются несколько шлюпок с людьми.

– Список пассажиров составили?

– Так точно!

Дежурный положил папку на стол. Министр раскрыл ее и начал просматривать. Глаза остановились на знакомой фамилии:

– Громыко? Андрей Андреевич? Первый заместитель министра иностранных дел?

Дежурный кивнул.

Абакумов мрачно взялся за трубку правительственного телефона:

– Диверсия. Я должен немедленно доложить хозяину. Громыко – его любимец...

Генерал-полковник Абакумов был в фаворе. Вождь считал, что он хорошо себя проявил во время войны. Адьютант Абакумова в столовой восхищенно и даже с трепетом в голосе рассказывал приятелям, что Виктор Семенович вечерами пешком гуляет по улице Горького:

– Представляешь, со всеми здоровается и велит нам раздавать старухам по сто рублей. Они крестятся и благодарят.

Еще говорили, что Абакумов любит фокстрот, футбол и шашлыки – их ему привозили из ресторана «Арагви». А еще через несколько лет генерал-полковника Абакумова с треском сняли с должности и арестовали. И тот же адъютант, хихикая, рассказывал, будто бы когда Абакумова еще назначали министром госбезопасности, то на заседании политбюро он вроде как засомневался в своих силах:

– Товарищ Сталин, ведь у меня нет опыта...

Это легкое кокетство обычно прощается. Но в тот раз вождь, по словам адъютанта, почему-то пришел в плохое настроение и оборвал кандидата в министры:

– У нас, товарищ Абакумов, сейчас много свободных мест директоров чайных. Если вы в себе не уверены, может, назначить вас директором чайной?

Адъютант страшно веселился:

– Вот был бы номер, если бы Абакумова прислали к нам заведовать чайной! А мы бы с тобой заходили и небрежно так говорили: «А ну-ка, любезный, завари нам чайку». Представляешь себе?

Жена министра арестована

В новом кабинете Громыко в министерстве иностранных дел два монтера возились у приставного столика с батареей телефонных аппаратов – под присмотром пузатого офицера госбезопасности. Он доверительно заметил Громыко:

– «Кремлевку» и аппарат междугородной правительственной ВЧ-связи я сам проверил. Новенькие, мембраны мощные, слышимость хорошая... И такие же аппараты установим вам дома.

Многозначительно пояснил:

– Особое распоряжение нашего начальства!

Валентин Михайлович Рожков вошел в новый кабинет Громыко:

– Вызывали, Андрей Андреевич?

Громыко подошел к нему и крепко пожал руку:

– Я ведь еще не поблагодарил вас... Если бы не вы, мы с семьей остались бы на «Победе». И неизвестно, остались бы живы... Сорок с лишним человек погибли... Ужасная трагедия... Так что я вам очень благодарен.

Высокий и красивый Рожков смутился:

– Андрей Андреевич, вы преувеличиваете мои заслуги...

Громыко не был склонен к сантиментам и перешел к делу:

– Хочу предложить вам место заведующего секретариатом. Как вы отнесетесь?

– Почту за честь и впредь работать с вами, Андрей Андреевич!

Громыко не без удовольствия посмотрел на молодого человека:

– В ваши годы – это большое повышение. Так скоро и послом поедете.

Рожков хотел выйти, но остановился:

– Я только должен вас поставить в известность, Андрей Андреевич, относительно своих родителей. Они жили в Киеве, в сорок первом эвакуироваться не успели, оказались в оккупации. И я ничего не знаю об их судьбе. Я же работал в Нью-Йорке, поехать в Киев не мог. Писал старым знакомым, никто ничего не знает.

Стоявший рядом офицер госбезопасности предположил:

– Может, их угнали немцы, когда отступали?

– Так война кончилась. Они бы давно вернулись. Боюсь, они погибли.

– Не хороните родителей раньше времени, – остановил его Громыко. – Думаю, они найдутся.

Громыко приехал домой раньше обычного. Ужинать не захотел. Сказал жене:

– Прогуляемся. Устал.

Почувствовав настроение мужа, Лидия Дмитриевна оделась потеплее – все-таки январь, и они вышли. Уже стемнело. На улице никого не было.

Андрей Андреевич взял жену под руку, сказал:

– Сегодня арестовали Полину Семеновну Жемчужину.

Лидия Дмитриевна вздрогнула:

– Жену Молотова?

Громыко рассказал:

– Меня днем вызвали в ЦК и познакомили с документами политбюро. Министерство госбезопасности и Комиссия партийного контроля представили Сталину записку о «политически недостойном поведении» Жемчужиной.

– Так прямо и написано? – ужаснулась Лидия Дмитриевна.

– Предложили исключить ее из партии, – продолжал Андрей Андреевич. – Разбирали на политбюро.

– И Молотов был там?

Громыко кивнул.

– Что-то сказал в защиту жены?

Громыко качнул головой:

– Не посмел. При голосовании воздержался. А потом вернулся домой и написал покаянное письмо: «При голосовании в ЦК я воздержался, что признаю политически ошибочным. Я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности».

– И что теперь будет? – спросила Лидия Дмитриевна. – Он же всю жизнь любит Полину Семеновну! Других женщин для него нет и быть не может!

– Товарищ Сталин предупредил Молотова: «Тебе нужно разойтись с женой». Молотов вернулся домой, пересказал жене слова Сталина. Полина Семеновна ответила: «Раз это нужно для партии, значит, мы разойдемся». Собрала вещи и переехала к родственнице – это как бы развод с Молотовым. А сегодня ее арестовали.

Лидия Дмитриевна, понизив голос, произнесла:

– Представляешь себе, он теперь каждый день в своем лимузине с охраной будет проезжать мимо здания на Лубянке, где сидит его жена. Он – член политбюро. Его портреты носят на демонстрациях. А он даже жену спасти не в силах.

В ее глазах была тоска. Если уж сам Молотов не смог защитить жену, то что же ждет остальных?.. Андрей Андреевич, возможно, впервые в жизни не знал, что сказать. Он обнял ее и поцеловал.

«Приказано забрать у вас пропуск»

В министерстве иностранных дел Молотов занимал целый этаж: зал заседаний с длинным столом, собственно кабинет и комната отдыха с ванной и кроватью. На столике в комнате отдыха стояли ваза с цветами, тарелочка с очищенными грецкими орехами и ваза с фруктами, которые несколько раз в неделю доставляли самолетом из южных республик. Выпивкой Вячеслав Михайлович не увлекался.

Землистый цвет лица казался признаком какого-то недуга. Но Молотов находился в отличной физической форме и вообще был завидно здоров. От стрессов его спасала способность засыпать мгновенно, едва голова касалась подушки. Иногда он говорил своим помощникам или начальнику охраны:

– Я пойду прилягу. Разбудите меня минут через пятнадцать.

И разбудить его следовало строго в указанное время.

Поздно вечером в секретариате министра иностранных дел ожидали, когда он вернется от Сталина. Сели играть в шахматы.

Уже за полночь появился Вячеслав Михайлович, усталый и злой. Неодобрительно глянул на играющих. Буркнул:

– Я тоже играл в шахматы.

Сделал паузу и добавил:

– Когда сидел в тюрьме.

И прошел к себе в кабинет. Через секунду вызвал помощника:

– Где Громыко? Он мне нужен немедленно.

Когда появился его заместитель, Молотов читал «Правду». Его письменный стол был непривычно пуст. Он хмуро глянул на Громыко:

– Вы просили назначить Рожкова начальником вашего секретариата.

– Вы его тоже знаете, – напомнил министру Андрей Андреевич. – Он вас переводил в Нью-Йорке. Отлично владеет английским и немецким. Перспективный работник.

Молотов прервал его:

– Абакумов передал мне справку министерства госбезопасности. Еще перед войной отец вашего Рожкова арестовывался органами НКВД. Правда, был отпущен... После захвата немцами Киева в сорок первом Рожков-старший поступил на работу в оккупационную администрацию. По промышленной части. А мать работала переводчицей в немецкой полиции. За оказанные услуги оккупанты присвоили семье Рожковых права и привилегии фольксдойче, то есть к немцам их приравняли. И, отступая, вывезли их в Германию, где они, видимо, и находятся. Чекисты искали их в нашей зоне оккупации. Не нашли.

Молотов заключил:

– В этих условиях его работа в министерстве иностранных

дел невозможна.

– Что с ним будет? – спросил Громыко.

Молотов равнодушно ответил:

– Это нас уже не должно интересовать.

Громыко осторожно заметил:

– Рожков человек квалифицированный. Его надо устроить в печать. Пусть займется журналистикой.

Молотов уткнулся в «Правду»:

– Меня это не касается. У нас ему нечего делать... Но ему о причине увольнения ничего не говорите! Секреты! Чекисты докладывают, что тут сделаешь! Ну, он молодой парнишка.

Когда Громыко уже уходил, Молотов сказал ему вслед:

– Не переживайте. Он еще легко отделался. Вы же знаете, что товарищ Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны: семьи лиц, служивших немцам и добровольно отступивших вместе с фашистскими войсками, выселять в отдаленные области Союза. А он все-таки в Москве останется.

Андрей Андреевич подумал, что раньше, до ареста жены, Молотов, возможно, поступил бы иначе. Громыко знал, что однажды Берия, когда еще был хозяином Лубянки, представил Молотову список молодых дипломатов:

– Они готовили против тебя теракт. Предлагаю арестовать.

В списке значился и будущий заместитель министра Ми-

хаил Степанович Капица.

В ту пору Молотов чувствовал себя уверенно. И никто из дипломатов арестован не был. А теперь Молотов сам висел на ниточке...

Валентин Михайлович Рожков очистил сейф. Все бумаги отдал другому помощнику Громыко. Осмотрел опустевший стол, положил на него ставшие ему ненужными ключи. Взял на руку пальто и закрыл за собой дверь служебного кабинета. На нем не было лица. Не просто карьера оборвалась. Вся прежняя жизнь кончилась. Андрей Андреевич осторожно посоветовал уехать из Москвы – хотя бы на время. Работу в столице ему не найти.

Сотрудник секретариата проводил Рожкова. Молча. Держался несколько в стороне, чтобы никто не подумал, будто они вместе. Не попрощался и не пожал руку.

Когда Рожков на выходе предъявил служебный пропуск, дежурный офицер с синими петлицами взял документ в руки, внимательно изучил и оставил у себя. Пояснил:

– Приказано забрать у вас пропуск.

Новый министр

После переезда в Москву советского правительства в марте 1918 года наркомату иностранных дел передали особняк Тарасова на Спиридоновке и особняк на Малой Никитской (теперь это Дом-музей Горького).

В апреле 1918 года наркомат иностранных дел РСФСР перебрался в гостиницу «Метрополь». А с конца 1921 года дипломаты расположились в шестиэтажном доме бывшего страхового общества «Россия» на пересечении Кузнецкого Моста и Лубянки – это место потом переименовали в площадь Воровского.

Отдельный подъезд был выделен для наркома и его заместителей. В подвале оборудовали столовую, завели собственные ателье, парикмахерскую и прачечную. Здесь дипломаты оставались до 1952 года, когда министерству иностранных дел передали высотную новостройку на Смоленской площади, где дипломаты находятся и поныне.

Андрей Андреевич Громыко вылез из машины и невольно посмотрел вверх. С нового здания министерства иностранных дел только что сняли леса, и внушающая почтение высотка на Смоленской предстала во всей красе.

– Переезд идет полным ходом, – сообщил его новый помощник. – Включили все двадцать восемь лифтов.

Громыко хотел подняться по ступенькам. Помощник остановил его:

– Вам в другой подъезд, Андрей Андреевич.

Сотрудник секретариата докладывал Андрею Андреевичу:

– Две недели назад наш генеральный консул в Пекине Сергей Леонидович Тихвинский получил от китайских властей приглашение на церемонию, целесообразность участия

в которой вызывала у него сомнения. Он запросил центр, как ему быть. Вы распорядились ответить, что генконсул может присутствовать на церемонии, но не должен выдвигаться на передний план.

Громыко кивнул:

– Я помню.

Сотрудник секретариата сообщил:

– Генеральный консул доложил, что точно исполнил указание центра – попросил китайцев выделить ему место во втором ряду.

На лице Громыко появилось выражение, которое при некотором воображении можно было принять за улыбку:

– Что ж, это свидетельство образцовой исполнительности. Я запомню это достоинство товарища Тихвинского.

Не постучав, в кабинет Громыко буквально влетел новый заведующий отделом министерства Новиков:

– Уже знаете? – Его лицо было возбужденно-радостным. – Молотов освобожден от должности министра иностранных дел. Министром назначен наш Андрей Януарьевич!

Лицо Новикова расплылось в искренней и счастливой улыбке.

Громыко вошел в хорошо знакомый ему кабинет. Теперь здесь расположился новый хозяин. Вышинский вальяжно сидел в кресле. Сознание собственной значимости читалось в его позе и выражении лица.

– Поздравляю с назначением, Андрей Януарьевич!

Вышинский с достоинством кивнул. Ему нравилось принимать поздравления.

Сталин на XIX съезде сделал его еще и кандидатом в члены президиума ЦК. Так Вышинский оказался на олимпе. Отныне был избавлен от всех бытовых хлопот. Ему полагалась охрана. Возле его приемной дежурил офицер-чекист. Еду Вышинскому привозили в запечатанных судках.

Люди из министерства госбезопасности взяли на себя заботу и обо всех хозяйственно-бытовых проблемах семьи. Не надо было думать ни о хлебе насущном, ни о пополнении гардероба. Любые продукты, которые давно отсутствовали в советских магазинах, доставлялись из столовой лечебного питания министерства госбезопасности. Достаточно было продиктовать обслуживающему персоналу, что именно нужно, – и всё привозили на дом. За это отвечало главное управление охраны министерства госбезопасности.

Вышинский собрал коллегия министерства.

Приказал помощнику:

– Вызовите Семенова.

Помощник встал и подошел к секретарю, передал распоряжение министра. Она сняла трубку и сообщила дежурному по европейскому отделу:

– Семенова – срочно к министру!

Пока тот дошел до зала заседания коллегии, Вышинский уже забыл, зачем звал. Когда появился заведующий европейским отделом, с удивлением посмотрел на него. Спросил у

помощника шепотом:

– Не помните, какой у меня был к нему вопрос?

– Я и не знаю, – ответил помощник. – Вы мне не сказали.

Вышинский махнул рукой:

– Семенов, вы всю работу провалили! Я понимаю почему.

К Громыко ходите, а с министром даже не советуется. Вы ничего толком и делать не можете, вы только детей умеете делать!

У Семенова действительно было много детей, и он резко ответил:

– А у вас, Андрей Януарьевич, это плохо получается, вот вы и злитесь.

Вышинский был настолько ошарашен, что не нашелся как ответить.

Зазвонил аппарат правительственной связи. Вышинский снял трубку. Услышав первые слова, встал:

– Конечно! Жду!

Радостно пояснил членам коллегии:

– Сейчас буду говорить с товарищем Сталиным.

Если звонил вождь, всем полагалось немедленно покинуть кабинет. Члены коллегии вскочили со своих мест и бросились к двери, чтобы оставить министра одного. Но дверь узкая, все сразу выйти не могли. Тому, кто протискивался последним, своим громким прокурорским голосом Вышинский многозначительно заметил:

– Я замечаю, что, когда я говорю с товарищем Сталиным,

вы стремитесь задержаться в кабинете.

Тот вылетел пробкой...

В этот момент министра соединили с вождем.

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

Поговорив, Вышинский вытер платком вспотевшее лицо и распорядился:

– Мне нужен Громыко.

А у себя в кабинете Андрей Андреевич тоже беседовал по телефону. Нечто вроде улыбки появилось у него на лице:

– Это я вам говорю как ученый, который пишет диссертацию и намерен стать доктором экономических наук.

В кабинет вошел помощник:

– Вас ищет Андрей Януарьевич!

Они вместе поехали в Кремль. Встретивший их офицер повел по коридору в сторону приемной Сталина. Вышинский хотел произвести впечатление на Громыко, показать, что в коридорах власти он свой:

– Мне тут рассказывал Николай Сидорович Власик...

Снисходительно пояснил Андрею Андреевичу:

– Начальник охраны товарища Сталина... В Новый Афон, где отдыхал товарищ Сталин, приехал товарищ Берия. К обеду подали молодое вино. Товарищ Сталин, рассказывал Власик, велел хранить вино при температуре не ниже тринадцати – пятнадцати градусов. А его переохладили. Разлили вино, пригубили, и товарищ Сталин возмутился, что его замечания не приняты к сведению. Власик мне говорит: «Не

знаю, как сердце выдержало, думал, сознание потеряю. Трое суток заснуть не мог».

Вышинский наставительно посмотрел на Громыко:

– Вот что значит настоящая преданность вождю... Министр удивился:

– А кстати, где же Николай Сидорович?

Сопровождавший дипломатов офицер управления охраны, не поворачивая головы, вполголоса ответил:

– Вчера отбыл в Асбест.

– Куда? – не расслышал Вышинский.

Офицер с тем же неподвижным выражением лица пояснил:

– В город Асбест. По новому месту несения службы. Генерал-лейтенант Власик назначен заместителем начальника Баженовского исправительно-трудового лагеря.

Ошеломленный Вышинский замолк.

Подмосковье. Дача Громыко

За завтраком, пока Андрей Андреевич ел гречневую кашу с молоком, Лидия Дмитриевна укоризненно сказала:

– Ты вчера так поздно пришел. Случилось что-то особенное?

– Рабочий день министра заканчивается в четыре-пять утра, – пояснил Громыко. – Я же не могу уйти раньше него.

– Проводить совещание ночью, когда люди мало что со-

ображают, – пожала плечами Лидия Дмитриевна. – Не понимаю.

– Сам Андрей Януарьевич исключительно работоспособен... К тому же смертельно боится отсутствовать на рабочем месте – вдруг позвонит товарищ Сталин.

Лидия Дмитриевна сказала:

– В МИДе его зовут Ягуаром Ягуаровичем. Слышал?

Громыко чуть улыбнулся:

– В моем присутствии министра не станут называть его прозвищем.

Лидия Дмитриевна продолжила:

– Девушки в секретариате, которые всё про всех знают, рассказали, что он совершенно одинокий человек. Из близких людей – жена и дочь. И все! Никаких друзей.

Громыко пожал плечами:

– Если вспомнить его жизненный путь. Прокурор Союза... Да еще в те годы... Когда все так относительно – сегодня друг, завтра враг. Какие уж тут друзья!

Министерство иностранных дел. Кабинет министра

Утром Вышинский вызвал к себе своего первого заместителя Громыко:

– Отправьте вашему преемнику в Организации Объединенных Наций Якову Александровичу Малику указание бой-

котирировать заседания Совета Безопасности в знак протеста против того, что место в ООН осталось за Тайванем, а не было передано народному Китаю.

– Андрей Януарьевич, это продуманное решение? – переспросил Громыко.

Вышинский возражений не терпел. Настроение у него испортилось:

– А вы думаете, что ваш министр способен на непродуманные решения? Андрей Андреевич, предупреждаю: можем и не сработаться.

Хладнокровие не изменило Громыко:

– Мы тем самым лишаем себя возможности влиять на принятие важнейших решений в Совете Безопасности!

Вышинский брезгливо отмахнулся:

– Какие решения принимает ООН? Одна болтовня! Так что мы ничего не теряем, а наш демарш прозвучит на весь мир! Мы сейчас обязаны проявить свою принципиальность и поддержать китайских товарищей. Китайские коммунисты изгнали из страны американских наемников, провозгласили народную республику. А место Китая в ООН занимает человек, который никого не представляет.

Громыко не оставлял надежды переубедить министра:

– Как вы помните, я несколько лет работал в ООН. Эта трибуна много раз давала нам важную возможность заявить о нашей позиции. Стоит ли лишать себя?..

Вышинский посмотрел на него с некоторым сожалением:

– Вопрос решен хозяином. Неужели не понимаете?.. Сегодня же отправьте Малику инструкции. Он должен заявить, что из-за отказа Совета Безопасности одобрить предложение СССР предоставить Китайской Народной Республике место, занимаемое представителем Тайваня, он покидает зал заседаний и не вернется, пока гоминьдановца не выведут из состава Совета Безопасности. Всё!

Вечером Андрей Андреевич и Лидия Дмитриевна ужинали. Из включенного радиоприемника доносились слова диктора:

– Войска американских агрессоров под флагом ООН высадились на Корейском полуострове.

Андрей Андреевич сказал жене:

– Помнишь, я хотел быть летчиком? Мечтал поступить в летное училище?

– Помню, – отозвалась Лидия Дмитриевна. – Ты опоздал.

– Да, в училище зачисляли только тех, кому еще не исполнилось двадцать пять, а я попал в Москву, как раз отметив двадцатипятилетие.

– И ты всегда говорил, что между летчиком и дипломатом есть нечто общее.

Умение не терять голову в экстремальных ситуациях.

– Уж этим искусством ты владеешь в совершенстве, – заметила Лидия Дмитриевна. – И вообще тебе грех жаловаться. Твоя жизнь сложилась удачно. Ты очень многого достиг.

– Знаешь, – сказал Громыко как-то особенно серьезно, –

я жалею, что я не летчик. Попросился бы в Корею. Воевал. В бою проще: вот свои, вот враги. Своих защищай, врагов – убивай. А сейчас... Никогда мне не было так трудно.

Загадочная болезнь Кристины

Во рту пересохло, горло саднило, голова стала тяжелой. Кристина Оазис заболела. Простуда? Инфекция? Аристотель пренебрежительно сказал, что простуду лечат горячим чаем с лимоном и хорошим сном. Тина заставила дочку надеть пижаму, укутала ее теплым одеялом. Кристина легла спать в надежде, что к утру все пройдет.

Она проснулась в шесть утра мокрая от пота. Свесила ноги с кровати и заставила себя встать. Ни ноги, ни руки не желали ее слушаться. Она наполнила ванну и тяжело плюхнулась в воду.

Кран с горячей водой она открутила до предела, и ванную комнату заволочло паром. У нее блаженно закружилась голова, и она задремала. Ей приснилось, что она попала в ад, о котором рассказывал священник. И ее, не дав времени на покаяние, сразу принялись поджаривать на адском огне... Но она проснулась раньше, чем успела свариться, вода в ванной уже была близка к кипятку.

Кристина Оазис не собиралась долго болеть. Но день проходил за днем, а температура не спадала. Она смотрела на обои, и девочке казалось, что они оживают и превращают-

ся в страшных зверей, готовых ее сожрать. Ей становилось страшно, она не могла заснуть и звала родителей.

Врач прописал антибиотики. Они не помогли. Он выписал более сильные.

– После двух курсов антибиотиков все выздоравливают, – говорил он Кристине недовольно. – Наверное, ты симулируешь.

Врач не понимал, что происходит.

Посоветовал Тине Оазис побольше выводить девочку на свежий воздух. Но свежий воздух тоже не помог. Кристину положили в больницу. Теперь ее жизнь состояла из разнообразных медицинских процедур и дурацких больничных разговоров. Лежавшие там дети развлекались тем, что играли в карты на шоколад и другие сласти, которые родители передавали им или приносили сами.

Но Кристина чувствовала себя все хуже. С ней побеседовал больничный психиатр, солидный, лет пятидесяти. Он начал очень бодро:

– Благодарю вас, юная леди, что вы нас посетили.

И стал задавать нескромные вопросы:

– Как у тебя складываются отношения с родителями? Очень хорошо... У тебя есть брат? Младший или старший? Очень хорошо... А друзья? С учебой справляешься?

Расспросив, начал издалека:

– Не беспокойся, у всех случаются проблемы. Я же понимаю: учиться в школе трудно, иногда очень трудно. Иной раз

кажется, что ты не в силах с этим справиться, верно? И не хочется ходить в школу, когда ты не уверена в себе, точно? И ты думаешь, как хорошо было бы заболеть, да? Если ты больна, тебя кладут в постель и не надо идти в школу, так? И проходит день за днем, и тебе теперь все страшнее вернуться в школу, и ты словно бы продолжаешь болеть, хотя ты на самом деле вовсе не больна, так?

Он слегка улыбнулся с видом все понимающего человека.

— Мы называем это психосоматическими явлениями. Впрочем, зачем нам эти термины? Ты, Кристина, ни в чем не виновата, и никто не собирается тебя в чем-то винить. Просто нам надо понять, как тебя поставить на ноги и вернуть домой веселой и здоровой. Что нам делать: правильно лечить тебя от простуды и головных болей? Или же решить твои школьные проблемы?

В основном детей приводили в больницу на день-другой: им вырезали аппендикс или гланды и отпускали домой. Только одна девочка лежала долго, и медицинские сестры не обращали на нее внимания. В ординаторской они жаловались на ее родителей:

— Что они ее здесь держат? Она же прекрасно себя чувствует.

В один день девочка исчезла. Проходя мимо ее палаты, Кристина увидела, что ее кровать пуста. Оказалось, что у девочки была опухоль мозга, которую врачи проглядели, и она умерла.

Однажды утром мама забрала Кристину домой. Но она чувствовала себя точно так же, как и раньше: глотать было трудно и голова трещала. Она еще больше похудела. Через день к ним примчался перепуганный семейный врач.

— Мы сделали анализ, — сказал он Тине Оазис, — по новой методике. У вашей дочери обнаружили редкую стрептококковую инфекцию. Кристина серьезно больна. Но теперь по крайней мере мы знаем, как ее лечить.

Кристина была счастлива. Теперь все эти психиатры отстанут от нее со своими глупостями. Но тут появился другой врач. И с другим диагнозом: «вирусный энцефалит». Кристина не знала, что это такое, но звучало загадочно. Она так долго болела без диагноза, теперь у нее были сразу два — взаимоисключающие.

Однажды ночью, когда Кристина Оазис лежала без сна, у нее в голове сложилось четверостишие. Ей понравилось, что она сочинила. Она включила свет и записала строчки на бумагу. Следующей ночью она придумала еще одно стихотворение. Потом еще. Тогда она просыпалась каждую ночь и придумывала четверостишия. Она почувствовала себя лучше. Когда она сочиняла стихи, голова не болела.

Кристина была не настолько глупа, чтобы рассказывать об этом врачам. Она начала вставать, прибавила в весе. Она вновь слушала музыку и смотрела телевизор. Болезнь отступила. Но что же именно с ней происходит? Какой загадочный недуг ее мучает?

Ближняя дача вождя

Поздно вечером министра иностранных дел Вышинского и его первого заместителя Громыко вызвали на ближнюю дачу Сталина.

Колючая проволока, высокий двойной забор, между стенами забора деревянный настил, на котором дежурят часовые в специальной мягкой обуви. Мышь не проскочит. Когда машина подъезжала к деревянным воротам, офицер охраны приоткрывал дверцу машины, чтобы его можно было видеть, и называл фамилию – свою, а не чиновника, которого сопровождал.

Старший наряда охраны сталинской дачи вышел из калитки, чтобы взглянуть на пассажира. В ярком свете прожекторов лицо сидящего в машине было хорошо видно. Тем более что офицеров, которые несли охрану у ворот, предупредили о появлении гостей. Гости поспешно прошли в главный дом, а их лимузины отогнали к гаражу.

За появлением гостей наблюдал офицер, дежуривший у телефонного пульта, размещенного в одной из комнат служебного дома. Рядом на столике – всегда включенный большой ламповый радиоприемник. Из него доносились стихи:

*И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.*

С утра усталые ревут Береговые батареи...

Появился Сталин. Недовольный. Бросил секретарю ЦК Маленкову:

– Бананы мне привезли гнилые. Чем Меньшиков кормит народ! Где он?

Маленков распорядился:

– Найдите министра внешней торговли Меньшикова!

Пока члены политбюро и приглашенные рассаживались, пришел дежурный:

– Товарищ министр внешней торговли находится на даче!

– Ну так соедините по телефону, – недовольно сказал Маленков.

Дежурный виновато доложил:

– Товарищ министр не может подойти, потому что принимает ванну!

Все замерли, ожидая реакции Сталина. Вождь повернулся к Маленкову:

– Надо принять постановление политбюро.

Маленков вооружился ручкой и блокнотом. Вождь продиктовал:

– Отметить, что товарищ Меньшиков мало занимается службой вследствие того, что он ездит на дачу. Запретить товарищу Меньшикову в будние дни ездить на дачу.

Тем временем в зал, где расселись Сталин и его соратники, принесли кинопроектор – показать хронику идущей

в Корее войны. Кадры комментировал начальник главного оперативного управления генерального штаба:

– Товарищ Ким Ир Сен надеялся закончить войну меньше чем за два месяца. Наши военные советники сообщают, что его армия действует с опережением плана. Наступление развивается очень успешно. За четыре дня взяли Сеул. Правительство Ли Сын Мана бежало.

Сталин сказал:

– Войну нужно выиграть очень быстро. Южане не должны успеть прийти в себя, оказать сильное сопротивление и мобилизовать международную поддержку.

Министр госбезопасности Абакумов поспешил успокоить вождя:

– Наша разведка сообщает, что корейский народ на юге страны только и ждет помощи, чтобы восстать против антинародного режима. Товарищ Ким Ир Сен сумеет объединить под своим началом всю Корею, как товарищ Мао Цзэ-дун объединил Китай.

Сталин заметил:

– Но надо объяснить северокорейским товарищам, что им не стоит рассчитывать на прямое участие Советского Союза в войне, поскольку у нас есть другие серьезные задачи, особенно на Западе.

Военный министр маршал Василевский поспешил заверить вождя:

– Мы считаем, что война закончится быстро – полным

разгромом южнокорейской армии, этих американских марионеток.

Сталин озабоченно повторил:

– Главное, чтобы американцы не успели вмешаться.

Вышинский услужливо заявил:

– Они не решатся. Они ни на что не способны. Политические импотенты.

– Что-то у вас все слишком гладко получается, – так же недоверчиво проговорил Сталин.

Он исходил из того, что его челядь, обвешанная орденами, постоянно мухлюет. Погрозил пальцем:

– Спросите англичан, американцев. Им никогда не удавалось меня обмануть, а ведь среди них были серьезные противники. А вы беретесь меня одурачить!

После совещания встревоженный Громыко подошел к Вышинскому, который стоял вместе с Абакумовым:

– Через несколько часов в Нью-Йорке созывается срочное заседание Совета Безопасности ООН. Считаю необходимым телеграфировать Малику, чтобы он принял участие в заседании.

– Зачем? – пренебрежительно заметил Абакумов. – Пусть болтают сколько хотят.

– В отсутствие нашего представителя, – пояснил Громыко, – западные державы могут одобрить резолюцию, которая противоречит нашим интересам. Если Малик примет участие, он сможет наложить вето.

Вышинский остановил его:

– Решение принято. Дискуссия на сей счет завершена...

Старая площадь. ЦК партии

Секретаря ЦК партии Маленкова Андрей Андреевич Громыко обнаружил не на обычном месте, а у большого стола. Распаковав большую коробку, Георгий Максимилианович увлеченно возился с новеньким микроскопом. Увидев Громыко, с сожалением отвлекся от микроскопа и сделал шаг навстречу.

Маленков не снимая носил придуманную Сталиным чиновничью униформу – френч с наглухо застегнутым воротником. Без наград, хотя орденами его вождь не обидел. Его обрюзгшее лицо всегда оставалось неподвижным. Никаких эмоций. Он протянул гостю вялую руку.

– Интересуетесь наукой?

– Историей, – ответил Андрей Андреевич.

Маленков предложил гостю присесть.

– В отличие от вас, гуманитариев, я – естественник. Больше всего люблю физику. Хочу, чтобы сын пошел по моим стопам. У вас есть дети?

– Сын и дочь.

– У меня тоже. Я много с ними занимаюсь. Увлеченность родителей службой не должна мешать общению с детьми.

Он занял свое место за письменным столом.

– Какой у вас вопрос?

Громыко старался быть убедительным:

– Георгий Максимилианович, наш представитель в ООН отсутствовал на заседании в Совете Безопасности и не смог наложить вето на резолюцию, требовавшую прекращения боевых действий и вывода всех войск с территории Южной Кореи.

Маленков кивнул головой.

Громыко продолжал:

– Сегодня опять собирается Совет Безопасности ООН. Он может принять новую резолюцию, которая отправит вооруженные силы стран ООН на Корейский полуостров. Тем самым американские войска получают право участвовать в войне и использовать флаг Организации Объединенных Наций.

– А что ваш министр? – спросил Маленков.

– Андрей Януарьевич не в силах пересмотреть свою позицию.

Маленков задумался. Молчание затянулось. Громыко ждал. И вдруг, что-то решив для себя, Георгий Максимилианович твердо сказал:

– Вам же известно, что по распределению обязанностей в политбюро я не занимаюсь внешней политикой.

И секретарь ЦК сменил тему разговора на более приятную:

– Еще я намереваюсь купить детям телескоп. Я читаю литературу о межпланетных путешествиях. Конечно, сегодня

это представляется чистой фантастикой. Но завтра...

Министерство иностранных дел. Кабинет Громыко

– Который час? – спросил первый заместитель министра иностранных дел Громыко своего помощника.

– Двадцать два сорок пять, – отчеканил тот, – без пятнадцати одиннадцать вечера.

– Звоните в посольство Соединенных Штатов, – распорядился Громыко. – Скажите, что я прошу посла приехать ко мне через час.

Оставшись один, он вскрыл пакет, присланный из ЦК партии, и углубился в чтение документа с грифом «совершенно секретно».

Помощник вернулся:

– Посол Алан Гудрич Кэрк не может приехать. Объяснил, что у него грипп и он лежит в постели.

– Кэрк – военный моряк, вице-адмирал, как это он умудрился заболеть? – неодобрительно заметил Громыко.

– Посол просит разрешения прислать вместо себя советника-посланника.

Громыко секунду помедлил, посмотрел на лежащую перед ним бумагу и согласно кивнул. Когда ровно в полночь под аккомпанемент боя больших напольных часов в кабинет Громыко вошел американский дипломат, Андрей Ан-

дреевич встретил его демонстративно сухо. Сократив обязательные формальности до минимума, объявил:

– Я пригласил вас для того, чтобы от имени моего правительства заявить решительный протест. Обстрел советского аэродрома в Приморье американскими самолетами – невиданное нарушение международного права. Я уполномочен вручить вам ноту советского правительства.

Американский дипломат ответил:

– Я не могу ее принять, господин Громыко, так как с этим вопросом вам необходимо обращаться в Организацию Объединенных Наций. Поскольку, как вам хорошо известно, в районе Кореи действуют вооруженные силы ООН.

Громыко ответил ему ледяным тоном:

– Ваши доводы абсолютно необоснованны. Еще раз обращаю ваше внимание на то, что в ноте советского правительства речь идет о провокационном обстреле советского аэродрома самолетами военно-воздушных сил Соединенных Штатов, а не какими-то иными самолетами...

Он вытащил из папки копию документа, полученного из ЦК, и протянул американскому дипломату.

Советник-посланник встал и предусмотрительно заложил руки за спину:

– Тем не менее я отказываюсь принять ноту, поскольку ее содержание не имеет отношения к действиям моего правительства.

Прощание было еще более холодным, чем встреча.

Громыко не был ни удивлен, ни разочарован. Он знал, как действовать. Как только американский дипломат вышел, Андрей Андреевич вызвал помощника и распорядился:

– Тотчас же отвезите ноту в американское посольство и сдайте как почту.

Едва Громыко проводил американского дипломата, как позвонили из секретариата министра:

– Андрей Януарьевич ждет вас на совещание.

– Он один? – уточнил Громыко.

– Нет, у него товарищи из военного министерства и министерства госбезопасности.

Кабинет министра

Когда Громыко вошел, Вышинский вел разговор сразу по двум телефонам. Нетерпеливо спросил у Громыко:

– Вручили ноту американцам?

– Отказались принять. Но я отправил ее в посольство, сдадим как почту.

Когда Громыко занял свое место за столом, оказавшийся рядом молодой генерал с золотой звездой Героя, вполголоса спросил:

– А чего они кобенятся? Обстреляли наш аэродром, а теперь делают вид, что их там не было?

– Американские войска воюют в Корее под флагом ООН, вот они и просят все претензии адресовать ООН.

– А как это вообще получилось? – недоумевал генерал.

– Наш представитель не участвует в заседаниях Совета Безопасности ООН. И не смог наложить вето на решение отправить американские войска в Корею под ооновским флагом.

– Так это ошибка! – сказал эмоциональный генерал.

Внесли кинопроектор. И генерал начал:

– Мне поручено ознакомить вас с ходом боевых действий.

Запустили кинохронику:

– После первого успеха Корейской народной армии товарища Ким Ир Сена, как известно, вмешались американцы. Войска под командованием американского генерала МакАртура высадились в тылу северокорейской армии. Одним ударом генерал МакАртур перерезал линии снабжения северных корейцев и ударил им в спину. Через одиннадцать дней американцы отбили Сеул. К концу сентября половина северокорейской армии сражалась с перевернутым фронтом. Армия Ким Ир Сена, охваченная паникой, развалилась. Американцы взяли Пхеньян без боя.

Громыко вступил в разговор:

– Наш посол Штыков сообщает, что у товарища Ким Ир Сена «настроение подавленное и даже пораженческое. Война проиграна, и, если ему не помогут, Советский Союз потеряет Корею».

Представитель МГБ напомнил:

– Товарищ Сталин принял решение советские войска не

посылать.

Вышинский:

– Попросили вмешаться товарища Мао Цзэдуна.

Молодой генерал продолжал рассказывать о ходе боевых действий:

– Мао Цзэдун решил, что Соединенные Штаты намерены не только захватить весь Корейский полуостров, но и вторгнуться в Китай, чтобы его свергнуть. 18 октября первый отряд китайских войск, названный добровольческим, перешел через реку Ялуцзян. Атака ста пятидесяти тысяч китайских добровольцев была настолько неожиданной для американцев, что они в панике отступили на юг.

Представитель министерства госбезопасности добавил:

– От отчаяния президент Трумэн на пресс-конференции грозно заявил: «Соединенные Штаты остановят агрессию в Корее. Мы примем все необходимые меры». Его спросили, обсуждается ли вопрос об использовании атомного оружия. Трумэн ответил: «Вопрос-то всегда обсуждается. Но я бы не хотел, чтобы бомбу пустили в ход».

Молодой генерал со звездой Героя подвел итог:

– Применить ядерное оружие они не решились. Идет позиционная война. На сегодняшний момент ни у одной из сторон нет превосходства в силах.

Когда участники совещания разошлись, Вышинский попросил Громыко остаться.

– Поздравляю, Андрей Андреевич! – голос министра был

полон сарказма. – Решением политбюро вы утверждены чрезвычайным и полномочным послом в Великобритании!.. Товарищ Сталин подписал решение...

Громыко и бровью не повел:

– Благодарю за доверие. Кому сдавать дела?

– Я еще не решил, – сказал министр. – Но вот о чем я хочу вас предупредить. Я недоволен был вашей деятельностью в Москве. Недоволен!.. И намерен присматривать за вашей работой в Лондоне. Самым тщательным образом...

Советское Посольство в Лондоне. Кабинет Громыко

Помощник посла принес Андрею Андреевичу стопку свежих журналов. На обложке одного из них – фотография смеющейся блондинки.

– Мэрилин Монро, – пояснил помощник, – новая американская звезда. Мужчины от нее без ума.

Громыко скользнул взглядом по обложкам и спросил равнодушно:

– Нас это как касается?

– Американские генералы пригласили ее выступить перед солдатами, которые участвуют в корейской войне на стороне Юга, – пояснил помощник.

– Поддержать боевой дух? – иронически заметил Громыко.

– Именно, – подтвердил помощник. – На вертолете ее отправили на базу дивизии морской пехоты. Вот описание.

Он стал читать:

«Мэрилин переделалась в узкое фиолетовое платье с блестками и таким глубоким вырезом, что ее почти обнаженная грудь оказалась прямо под ледяными порывами ветра... Ряды собравшихся сотрясает овация. Она стояла на морозном воздухе в пасмурный зимний день с открытой грудью, распростертыми руками и разметавшимися во все стороны волосами. Она заставила слушателей стонать от возбуждения. Она поет и дрожит. Ей отчаянно не хватает голоса.»

Вашингтон. Капитолий. Кабинет сенатора Кеннеди

По странному стечению обстоятельств именно эту статью в тот же самый момент по ту сторону океана читал молодой сенатор Джон Кеннеди, сидя в своем новом кабинете. Он тоже обратил внимание на взволнованные слова Мэрилин Монро, сказанные журналистам после поездки на позиции американских войск.

– Пожалуй, я не понимала, как действую на людей, пока не побывала в Корее, – признавалась она.

Мэрилин выглядела ослепительно. Она была счастлива. Быть может, никогда она не ощущала себя такой безоблачно счастливой. Прощаясь, говорила офицерам:

– Единственное, о чем я жалею, – это о том, что мне не довелось повидать других ребят, повидать их всех.

Разглядывая журнал, сенатор Джон Кеннеди тоже признал, что Мэрилин Монро неотразима.

От ее красоты мужчины теряли голову. Мэрилин ничто не сдерживало. Через ее постель прошло множество мужчин. Все готовы были использовать ее тело, ее талант, ее имя. А она отчаянно желала любви, нежности, поддержки. Ей хотелось опереться на надежное мужское плечо. Но не получалось.

Мэрилин родилась 1 июня 1926 года вне брака. Безотцовщина. В то время это имело значение. Заполняя анкету, в графе «имя отца» писала: «Неизвестно»...

Ее настоящее имя Норма Джин Мортенсон. Она выросла в сиротских приютах. Нашла работу на авиационном заводе, где познакомилась с Джимми Доэрти. В шестнадцать лет вышла за него замуж. Она ему очень нравилась: прекрасная жена, чудесно готовит, умело ведет хозяйство. Но началась война. Джимми стал моряком. А красивую девушку заметили фотографы, и ее снимки замелькали на журнальных обложках.

Она развелась с мужем и взяла себе псевдоним Мэрилин Монро. Когда появился первый календарь с ее фотографиями, о ней узнала вся Америка. Снимки были вызовом консервативным ценностям пятидесятых, когда секс еще считался грехом.

Она познакомилась со знаменитым бейсболистом – Джо Ди Маджо. Его друзья удивлялись его выбору:

– Она же ничего не понимает в бейсболе!

– А мы с ней говорим не о бейсболе, – самодовольно отвечал он.

14 января 1954 года они с Ди Маджо поженились. Множество журналистов и их общих поклонников пришли в тот день в городское собрание Сан-Франциско, чтобы присутствовать при церемонии регистрации брака. Казалось, они созданы друг для друга: высокий и красивый любимец всей страны и новая звезда американского кинематографа... Медовый месяц они провели в Японии. Но они прожили вместе всего 274 дня. В октябре того же года развелись.

Выяснилось, что настоящая звезда – она, а вовсе не он. Знаменитый муж не пожелал быть в семье на вторых ролях. Мэрилин обвинила его в «психологической жестокости». И все же она плакала, когда судья объявил о разводе. Позже она поймет, что Джо Ди Маджо – единственный мужчина, который любил ее искренне. Но в любом случае сбывались все ее мечты, поскольку как минимум в ее случае мужчины точно предпочитали блондинок.

Однако же феерический успех, невероятная популярность и всеобщее поклонение не равнозначны счастью. Вот чего точно не хватало тонкой и ранимой Мэрилин Монро, так это душевного спокойствия и ощущения надежности бытия.

Ей, пожалуй, вредило то, что экранный образ смешался с реальным человеком. Исчезла разница между кинофантазией и реальностью. От нее ждали такого же поведения в жизни, как и на экране. А она жаждала равноправных и уважительных отношений. В мужчинах ценила больше всего ум. Мечтала сыграть Грушеньку в «Братьях Карамазовых» по Достоевскому.

Раздвоенность и ранимость Мэрилин Монро несли в себе зерна будущей трагедии, которая не обойдет стороной и клан Кеннеди.

Валентин и Валентина

Она позвонила ему поздно вечером – как ни в чем не бывало. Они не виделись десять лет. Но Валентин Михайлович Рожков все равно сразу же узнал ее голос. Да мог ли он ее забыть?

Ее звали Валентиной. Когда у них начался роман, она шутила:

– У нас с тобой общее даже в имени – мы оба Вали. Судьба...

Она заговорила с ним так, словно они расстались вчера, хотя прошло столько лет. Но она вернулась. И сказала, что желает его видеть. Прямо сейчас! Немедленно! Сию секунду! Ему даже ехать никуда не надо. Она стоит на углу, возле его дома.

– Одевайся и выходи!

Она бросила трубку, а Рожков натянул куртку и, не дожидаясь лифта, скатился вниз по лестнице. Она действительно стояла на том самом месте, где десять лет назад они разговаривали в последний раз. Перед ее отъездом... Она плакала и говорила тогда, что обязательно к нему вернется. Он держал ее за руки и смотрел на нее не отрываясь. Он был уверен, что они расстанутся навсегда.

Он уезжал в командировку в Америку, которая казалась ему бесконечно далекой, вроде как обратная сторона Луны, откуда не возвращаются. А она с мужем улетала на Дальний Восток.

Теперь она насмешливо улыбалась:

– Я же сказала, что вернусь и заберу тебя с собой. А ты, глупыш, сомневался.

Рожков просто не верил своим глазам. Неужели это она? Она почти совсем не изменилась – такая же красивая. Только прическа другая и манера одеваться, и выражение глаз незнакомое.

Она что-то рассказывала, а на Рожкова словно столбняк нашел. Он все не мог прийти в себя. Думал, что вырвал ее из своего сердца. И ошибся. Стоило ему вновь ее увидеть, как все вернулось. словно и не было этих десяти лет! словно не расставались они с диким скандалом и битьем посуды, словно не выходила она замуж за его приятеля Руслана.

Когда она ласково взяла его за руку, его пронзила дрожь.

Он уже ничего не видел и не замечал – кроме ее лица с глазами как омут. Они поднялись к нему. Он ногой захлопнул за собой дверь и стал ее раздевать... Она уехала от него на такси поздно ночью, а следующим вечером пришла вновь. Сели пить чай, она рассказала о себе.

Когда они поссорились тогда, десять лет назад, она сразу вышла замуж. За их общего приятеля, талантливого инженера. Через год они с мужем перебрались в Хабаровск, где он получил важный пост. Она не хотела ехать и даже мужа отговаривала. Боялась, что не приживется там. И действительно, вначале было безумно трудно – вокруг ни родственников, ни друзей. Но Руслан стал большим начальником, и сразу же все переменилось. Они переехали в отдельный особняк. Ему дали персональную машину. Появилась прислуга.

Валя поведала Рожкову о том, как весело они проводят время. Много ездят по всему огромному краю. Местные начальники, которые зависят от ее мужа, невероятно гостеприимны.

И вдруг она сказала мужу, что хочет побывать в Москве, посмотреть, что там происходит, повидать подруг. Руслан отпустил ее одну.

– Он хорошо к тебе относится? – ревниво спросил Рожков.

Валя небрежно кивнула. Она рассказывала и рассказывала о себе, и Рожков понял, что его бывший друг Руслан и в самом деле устроил ей райскую жизнь.

А ведь из них двоих Валентин Рожков считался более перспективным и удачливым. Институт он окончил в сорок первом. Пошел добровольцем в Красную армию и год провоевал, пока его не отозвали с фронта и не взяли в министерство иностранных дел. Он успешно делал карьеру, ему прочили большое будущее. Руслан же прозябал научным сотрудником в заштатном научно-исследовательском институте.

И как же все переменялось за эти годы!

Валентин Рожков изгнан из министерства иностранных дел и не может найти в Москве работу. А его приятель чудно устроился и ведет жизнь роскошную, завидную. Если бы Валентин не знал Руслана, не было бы так обидно.

А ведь десять лет назад Валентин и Валентина уже жили вместе. Как ценный специалист он получил комнату в коммунальной квартире. Они готовились к свадьбе. Однажды они должны были идти к ее родителям, которые собирали всех родственников. Устраивали, как понимал Рожков, смотрины жениха.

Но в тот вечер его начальник, который вот-вот мог стать заместителем наркома, пригласил подчиненных на свой день рождения. Пришлось провести вечер с начальником. Иное поведение в ведомстве иностранных дел считалось невозможным. Но Валентина была уязвлена в самое сердце: ее суженый – откровенный карьерист!

Рожков обещал вернуться не позже одиннадцати. Не появился и в час ночи. Начальник повез всю пьяную компанию

к себе домой, где они продолжали опорожнять бутылки. Валентин вернулся под утро и не мог попасть ключом в замочную скважину.

Валя не спала. Она безумно переживала: не случилось ли с ним чего? Открыла дверь. С трудом державшийся на ногах Рожков, не глядя, отстранил ее. Прямо в коридоре сбросил с себя пиджак, потом брюки. Прошел в комнату и хлопнулся на диван.

Утром Валентина ждала объяснений и извинений. Валентин же проснулся в игривом настроении. Когда он стал к ней приставать, Валя его оттолкнула. В тот день они дико поссорились. Он, не успев окончательно протрезветь, кричал, что она не имеет права его отталкивать, потому что они уже фактически муж и жена. Она, возмущенная его бесцеремонностью, кричала, что он не имеет права так с ней обращаться. Кончилось тем, что Валя собралась и ушла к родителям, хлопнув дверью. Рожков кричал ей вслед:

– Скатертью дорожка! Можешь больше не приходить!

Многие супружеские пары проходили через такие размолвки, и ничего. Остыв, Валентин тем не менее решил показать характер. Его с детства учили, что надо уметь себя правильно поставить. Лучше это сделать сразу. Он очень любит Валю, но ей следует понимать, что он в доме хозяин.

Два дня они не перезванивались. На третий день вечером Валя не выдержала. Поскольку она начала ссору, она же и должна ее погасить. К восьми вечера Валя приехала к нар-

комату иностранных дел, где работал Рожков. Она рассудила правильно: они увидят друг друга, и давешняя ссора мигом забудется...

Все бы так и произошло, если бы не дурацкая случайность.

Улыбающийся Валентин Рожков вышел из здания министерства в обнимку с секретаршей американского отдела Танечкой. Между ними ровным счетом ничего не было. Танечка любила только своего мужа, но охотно кокетничала с отдельскими мужчинами. А Рожков не мог отказать себе в удовольствии поцеловать красивую женщину на глазах всей публики. Это удовольствие ему дорого обошлось.

Стоя на ступеньках наркомата, он чмокнул Танечку в щечку. И в этот момент рядом с ним возникла Валя. Она со всей силы дала ему пощечину и, развернувшись, побежала вниз по ступенькам. Перепуганная и ничего не понимающая Танечка ойкнула.

Рожков бросился вслед за Валею, чтобы объяснить. Но она перебежала на ту сторону улицы, к зданию наркомата внутренних дел, повернула за угол и словно исчезла. Потом Рожков несколько раз приезжал к ней на работу. Она делала вид, что не узнает его.

Через две недели он узнал, что Валя выходит замуж за его однокурсника и приятеля Руслана, не слишком удачливого, но спокойного и надежного парня. В тот вечер Рожков напился. А утром, сжав зубы, сказал себе, что никакой Вали в

его жизни не было и нет.

А еще через месяц он встретил Валу. Хотел пройти мимо. Она его остановила. Сообщила, что они с мужем уезжают на Дальний Восток. Что мужа она не любит и вышла за Руслана, только чтобы отомстить ему, Рожкову.

– Ну и дура ты, Валентина, – ответил он.

Она не стала спорить. Только вдруг сказала, что еще вернется за ним. И убежала.

Валя сдержала свое обещание.

Когда они вышли на улицу, Валя вдруг сказала:

– А ты знаешь, я по-прежнему люблю только тебя.

Рожкову приятно было это слышать. Но он понимал, что все это ненадолго. Через три дня она улетит к себе в Хабаровск и будет наслаждаться жизнью, а он должен покинуть Москву и где-то искать работу, которая, как он понимал, ему точно не понравится.

– Да, но я хочу быть с тобой, – твердо сказала Валя. – Хочешь, останусь у тебя? Одно твое слово – и я сдам билет.

– Не глупи, – устало ответил Рожков. – Руслан создал тебе прекрасную жизнь. Живи и наслаждайся. Я искренне рад за тебя. Я тебе такой жизни обеспечить не могу.

– Но мне надо быть с тобой! – повторила Валя. – Я просыпаюсь утром и думаю: почему я не могу быть в постели с тем, кого я люблю?

Рожков растерянно сказал:

– Я думал, ты давно забыла обо мне.

Валя взяла его за руку, спросила:

– Ты приедешь ко мне?

– Ну что ты говоришь глупости, – резко ответил Рожков. –

Как это, интересно, я могу к тебе приехать?

Она, словно не слыша его слов, повторила:

– Так ты приедешь ко мне?

– Приеду, – сказал он. – Вот если твой муж сломает шею, катаясь на лыжах, или утонет в океане, я приеду к тебе. Буду сидеть у тебя на веранде с видом на океан.

Она повела его в ресторан. Говорила о том, как хорошо им будет вместе. Сама заплатила по счету. У Рожкова денег не было.

В день ее отъезда он не выдержал и поехал на Ярославский вокзал, откуда поезда шли до Хабаровска. Видел, как Валя вылезла из черного автомобиля и водитель нес ее чемоданы. Она села в мягкий вагон. Ее провожали какие-то люди в штатском и в форме – видимо, сослуживцы ее мужа, срочно командированного в Северную Корею, где полыхала война.

Ну вот и все, подумал Рожков, сказка кончилась.

Через три недели – в понедельник утром Рожков получил срочную телеграмму из Хабаровска от Валентины: «Руслан погиб. Выезжаю».

Москва. МИД. Кабинет Вышинского

Вышинский проводил совещание. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать, но в кабинет буквально влетел помощник. Что-то прошептал министру на ухо. Министр, несколько растерянный, выскочил из-за стола со словами:

– Прошу меня извинить. Сейчас вернусь.

Он вышел в приемную и взял телефонную трубку. Разговор с неизвестным собеседником был недолгим. Повесив трубку, распорядился:

– Немедленно вызовите Громыко из Лондона. Распоряжение президиума ЦК.

Англия. Лондон. Квартира посла

Лидия Дмитриевна собирала чемодан мужу. В который уже раз с тревогой спрашивала Андрея Андреевича:

– Так ты даже не догадываешься, зачем тебя так срочно вызывают?

Громыко качал головой.

– Может быть, мне все-таки лететь с тобой? Как ты там один будешь? Кто тебя покормит?

– Не беспокойся. Если новости хорошие – я быстро вернусь и проголодаться не успею. А если плохие, то и тебя вы-

зовут.

Огорченная Лидия Дмитриевна присела на кровать.

– Ты думаешь, тебя отзывают?

– Действительно не знаю. Но наш резидент был счастлив, когда узнал, что меня требуют в Москву.

– Ну, он тебя просто ненавидит, – констатировала Лидия Дмитриевна. – По-моему, это что-то личное.

– На этой службе, – возразил Громыко, – личного не бывает.

Москва. Центральный аэродром

Самолет, прилетевший из Лондона, прямо на летном поле встречали трое. Громыко увидел их в иллюминатор. Узнал только одного – Семенов из министерства иностранных дел. А кто остальные двое?

Когда Громыко спустился по трапу, все трое устремились ему навстречу. Лица у них были мрачные.

– Здравствуйте, Андрей Андреевич, – сказал Семенов. – С приездом.

Высокий человек, не выпускавший изо рта сигареты, подхватил его чемоданчик:

– Еще багаж есть?

– Нет, – ответил Громыко, – я налегке.

– Тогда в министерство, – сказал человек с сигаретой и зашагал в сторону черного лимузина, стоявшего у самого лет-

ного поля.

Семенов объяснил:

– Такое распоряжение – везти вас сразу на Смоленскую.

Что же, подумал Громыко, на Смоленскую площадь – это неплохо. Главное, что не на Лубянскую.

– Устали? – из вежливости поинтересовался Семенов.

Министерство иностранных дел

Громыко провели на седьмой этаж, где сидел министр и где еще недавно, до командировки в Лондон, находился и его кабинет. Его проводили в пустую комнату. Появился еще один молодой человек.

– Товарищ Вышинский сейчас в ЦК, – объяснил он. – Министр распорядился, чтобы вы его ждали. Вы голодны? Заказать ужин? Принести вам чаю?

Андрей Андреевич покачал головой.

Ждать ему пришлось долго. Пока не появился помощник министра:

– Андрей Януарьевич вернулся и ждет вас.

Кабинет министра

Едва Громыко вошел, Вышинский сразу сказал ему:

– Товарищ Сталин умер.

Громыко замер.

На лице Вышинского не было и следа скорби. Только некоторая растерянность. Утративший прежнюю самоуверенность министр поведал Громыко последние новости:

– Сейчас идет заседание президиума ЦК. Большие кадровые перестановки. Вы вновь назначены первым заместителем министра. В Лондон вы больше не вернетесь. Вызывайте семью, приступайте к работе.

Часть четвертая

Сгоревший дом

В воскресенье возле магазина убили бывшего таксиста, два года назад перебравшегося в поселок из Молдавии. Его убили не у ближнего магазина, который у станции и который каждый день работает, а у дальнего – рядом с домом отдыха имени XII съезда комсомола. В дальний магазин поселковые редко ходят, потому что продавщица работает как бог на душу положит. У нее только отдыхающие толкуются – им выпивка нужна, сигареты и колоды карт.

Бывшего таксиста застрелили из нагана. Пуля попала в грудь и прошла выше сердца. Если бы сразу в больницу попал, может бы, и выжил. Но его обнаружили только утром. Таксист был парень молодой, но уже обрюзгший. На «скорой помощи» приехали одни фельдшерицы, труп таскать было некому.

Два дня в поселке только и говорили, что об убийстве. А в среду вечером, то есть вчера, когда Петр Иванович Глазов искал теплый свитер и нашел его на верхней полке старинного платяного шкафа с зеркалом во всю стенку, ему на голову свалился наган, спрятанный под вещами.

Потирая голову, Глазов уселся на раскладной деревянный стул из тех шести, что привез с соседней станции, и стал разглядывать наган. Шишка казалась ему самой малой из неприятностей, связанных с находкой.

Это был обычный револьвер Тульского завода с потемневшей от времени рукояткой. Покрутил барабан – трех патронов не хватало. Услышав голос жены, Петр Глазов засунул револьвер в карман брюк, которые сразу поползли вниз. Или брюки, или револьвер надо было держать рукой. Тогда он опять завернул револьвер в свитер, через заднее крыльцо вышел на участок и направился к сараю.

Участок у него был большой. Глазов – из старожилов поселка. Получил участок задолго до войны и тогда же с помощью отца-плотника построил двухэтажный дом. В нем выросло уже третье поколение семейства.

Валентин Михайлович Рожков не захотел тесниться вместе со всеми и обосновался в сарае. Вытащил из него всякий ненужный хлам, покрасил суриком, обшил изнутри фанерой, провел свет. Когда приехал из Москвы, работу нашел в районной газете, где отчаянно не хватало кадров и хорошо образованный человек на вес золота.

В сентябре темнеет рано. Оба окошка в сарае Рожков тщательно завесил, но из-под двери пробивалась полоска желтого света. Петр Глазов постучал и вошел. Рожков посмотрел на него с удивлением. Вечерами Петр Иванович его не беспокоил – после смерти Валентины он имеет право на само-

стоятельную жизнь.

Глазов вытряхнул наган на дощатый стол.

– Твой? – спросил Глазов.

Рожков ни минуты не колебался:

– Мой.

– С фронта привез?

– Точно.

– Таксиста из твоего нагана убили?

Рожков как-то странно посмотрел на Глазова.

– Пожалел его, что ли? Такую мразь пожалел? Преподаватель полное право имел его кончить. Ты-то об этом лучше всех знаешь.

И замолчал.

Глазов посидел еще немного, пожелал Рожкову спокойной ночи и в дом пошел.

«Такую мразь пожалел?» – звучали у него в ушах слова Рожкова.

Молдавский таксист появился два года назад, когда умерла лысая бабушка – своеобразная достопримечательность поселка. Волос на голове у нее совсем не осталось, парика она не носила. Дети почему-то боялись лысую бабушку, называли ее колдуньей, считали, что она может напустить неизлечимую болезнь. Зимой ее не было видно, а с весны до осени она неподвижно сидела на стуле возле самой речки, закутавшись в цветастую шерстяную кофту. Когда дети шли рвать кувшинки, лысую бабушку обходили за полкилометра.

Дом у нее был одноэтажный, дощатый, очень сырой, а участок с каждым годом становился еще меньше, потому что речка подмывала берег. Когда лысая бабушка умерла, появился таксист, предъявил документы, что он наследник, и оформил дом и участок на себя. Его права на наследование вызывали сомнение, но возражать никто не стал, потому что охотников на бабушкину развалюху не нашлось, а принимать ее на баланс администрации тоже не хотелось.

Таксист поставил двухэтажный кирпичный особнячок с теплым туалетом – на такую роскошь никто в поселке еще не раскошеливался. Но разливавшаяся весной речка мешала ему подъезжать к дому. Тогда таксист, чтобы заезжать к себе со всеми удобствами – прямо с дороги, перенес забор на два метра вглубь территории соседа, преподавателя железнодорожного техникума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.